

И после грозы бывает радуга

Зонтик
царевны Несмеяны

Роман

Е Л Е Н А
Н А С Т О В А

Счастливый билет

Елена Насова

Зонтик царевны Несмеяны

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Настова Е.

Зонтик царевны Несмеяны / Е. Настова — «Эксмо»,
2016 — (Счастливый билет)

ISBN 978-5-699-92501-8

Выйдя замуж за друга детства, Мария думала, что её личная жизнь сложилась удачно. Но спустя время погода в доме изменилась – муж предал её. После развода Маша превратилась в царевну Несмеяну, у которой от прежней жизни остался лишь зонт, напоминающий о былом счастье. Девушка погрузилась в страдания с головой, однако кипящие вокруг страсти заставили ее по-иному взглянуть на вещи – некоторым друзьям тоже пришлось несладко, и им потребовалась её помощь. К тому же кто сказал, что царевна Несмеяна не имеет права на личное благополучие и достойного мужчину?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92501-8

© Настова Е., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Насова

Зонтик царевны Несмеяны

© Насова Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

О том, что Ника Голубева победила в журналистском конкурсе, я узнала от Иры Усовой. Закончились новогодние праздники, за окном густо валил снег, и, глядя на этот снег, я слушала, как Ириша с её ангельским лицом и синющими глазами Мальвины сыплет матом в телефонную трубку.

– Как это может быть, скажи мне? – почти кричала Ириша. – Она же ничтожество! Итоги подводят по результатам работы за год, ты понимаешь, за *целый год*! Она же ничегошеньки не может, как она стала лучшей?! «Открытие года»!

– Не представляю, – сказала я напоследок. – Совершенно не представляю...

Конечно, я тоже была в недоумении. Главным образом потому, что в течение года я несколько раз видела Голубеву, и она ни словом не обмолвилась о своих журналистских опытах. Все мы знали тщеславие Ники, как она могла промолчать о публикациях в газете?

После разговора с Ирой я позвонила Нике.

– Вот, узнала, что ты победила в конкурсе журналистов... Поздравляю.

– Спасибо. – В её голосе слышалось напряжение.

– Удивлена. Ты ничего не говорила о новой работе.

– Разве? – совершенно искренне удивилась она. – По-моему, я тебе все уши об этом прожужжала!

Я положила трубку. Ника – это Ника. Что тут ещё сказать?

Ника Голубева выросла в неблагополучной семье. Её родители развелись, когда ей исполнилось четыре года. Мать Ники любила погулять, это и стало причиной разрыва отношений. После развода отец Ники уехал из города. Она осталась жить в той же квартире на длинной серой улице, в квартале, застроенном бараками, с матерью и её мужчиной. Строго говоря, мужчины периодически менялись, но все они крепко закладывали за воротник, и потому слились для Ники в одного.

Сначала Никина мать работала проектировщиком в крупной организации, но после развода уволилась и нанялась уборщицей в продуктовый магазин. Эта работа её устраивала. Не деньгами, но перезрелыми бананами, мятыми боками огурцов-помидоров, просроченными консервами, кусками колбасных батонов с истёкшим сроком годности, в общем, как говорят товароведы, «неликвидными остатками». Из всего этого выходила дешёвая закуска.

Нике в такой обстановке жилось несладко. Хотя мать её не обижала и даже как будто побаивалась, чем старше Ника становилась, тем больше её угнетало ощущение заброшенности и неустроенности, та грязная, неприятная аура, которая неизбежно витает над членами семьи алкоголика. Возможно, именно тогда в атмосфере дома, пропитанного винными парами, в окружении случайных людей и таких же случайных, отживших свой век предметов, и зародилась Никина страсть к пафосу и внешним эффектам.

После школы она поступила в институт, где у неё появилось много недоброжелателей и две приятельницы – Наташа Ларионова и я. Точнее, приятельницей Ники была только Наташа, чей материнский инстинкт изливался на всех, в ком она угадывала несчастье. Она и познакомила меня с Никой, которая была для меня безнадежно чужой, но Наташа сказала: «Посмотри на неё, она же комплекс ходячий!» Эти слова меня тронули, а может, мне не хотелось плохо выглядеть в Наташиных глазах. Как бы то ни было, я стала общаться с Голубевой, со временем даже привязалась к ней, несмотря на то что Ириша Усова, которая знала Нику по студенческому театру, называла её «дура дурой», и даже на то, что моё мнение о Нике ничуть не изменилось.

С первого по третий курс Ника училась на художественном факультете, а по вечерам ходила в театры. В конце третьего курса устроилась в школу учителем рисования и продолжала готовить себя к будущей профессии – она хотела стать театральным художником.

Но после университета в театр Нику не взяли. Тогда она пошла работать в редакцию газеты оформителем с намерением рано или поздно попасть в театр. И никогда не упоминала, что хотела бы заниматься журналистикой. Ни разу. Позже Ника говорила, что так сложились обстоятельства, она стала писать, и вот, у неё получилось... Всё это вполне могло быть правдой, но – стать первой из почти сотни профессионалов?..

Нет, я не понимала, как такое могло быть.

После конкурса Ника стала называть себя журналистом; о работе в театре она больше не заговаривала. Она ходила по людным местам, обрастала знакомствами и как-то быстро вышла замуж за мужчину старше себя лет на десять – известного ведущего местной телекомпании.

К тому времени Никина мать переехала в другой город. Они продали квартиру, и на свою часть денег Ника купила отличную двушку в хорошем районе, в новом красивом доме. Добрая Наташа радовалась, что наконец-то у Голубевой всё налаживается, Ириша Усова негодовала и злилась, а я была так занята кандидатской, что смотрела вполглаза и слушала вполуха. И только позже мне стало известно, что замужество было проектом, обещавшим большие перемены: Ника рассчитывала, что, став женой популярного человека, будет на виду; собиралась делать авторскую передачу с участием мужа, где она стала бы ведущей...

Были у её планов перспективы или нет, неизвестно. Вскоре после свадьбы муж Ники – Николай Угольников – попал в аварию и сильно повредил лицо. В эфир Уголькова пускать перестали, он рассорился с руководством и уволился из телекомпании.

После крушения золотых надежд Ника стала избегать старых знакомых. Наташа Ларионова, жалея Нику, пыталась приглашать их с мужем на домашние вечеринки. Ника не шла. Я, по примеру Наташи, тоже звонила Нике (в редакции у неё появился отдельный кабинет с именной табличкой на двери и прямым телефоном. Её перевели на должность ответственного секретаря, заведующей отделом культуры), но наши разговоры стали натянутыми, и постепенно телефонное общение сошло на нет.

Мы долго не виделись. До меня доходили слухи, один другого нелепее. Говорили, например, что Угольников работает охранником в баре, что у него там «не клеится», и Нике стоит труда сохранять для мужа место.

Я не очень-то верила. Но было ясно: Ника переживает не лучшие времена.

Всё разъяснилось, когда я приехала к ней домой. Это был май, пятница. В маленьком магазинчике у остановки я купила торт и лимон, рассчитывая на долгий разговор.

Ника в майке и спортивных штанах, в носках в цветную полоску, открыла дверь. Лицо у неё было красное и злое, волосы стянуты на затылке в хвост. И она смотрела на меня так, будто впервые видела.

– Привет... – Путаясь и торопясь, я объяснила, что мне нужен номер телефона одного врача. Мануальный терапевт, для Иры Усовой, у неё сын...

– Хорошо... Заходи...

Когда мы проходили мимо комнаты, я увидела Николая. Он лежал на диване и сопел. Из комнаты несло перегаром. Ника указала мне в сторону кухни и ушла в комнату.

В кухне всё было вверх дном. На полу валялись осколки стекла, по линолеуму растеклась лужа томатного сока. Не знаю, почему, наверно, растерявшись от неожиданности, – я шагнула через порог, присела и стала собирать осколки в мусорное ведро. Я не слышала, как подошла Ника, а когда обернулась, увидела, что она стоит, прислонившись к косяку. Ника смотрела на меня скорее всего уже давно, – и каким недобрым взглядом!..

Она протянула клочок бумаги:

– На. Домашний и мобильный. Скажешь, что от меня. Я позвоню ему вечером.

Мы вернулись в прихожую. Молчание было ошеломлённым и враждебным, словно мы были противниками, которые много лет притворялись друзьями, а теперь озвучили правду.

– Спасибо.

Из комнаты донеслось ворчание.

– Я провожу тебя, – Она подтолкнула меня к двери. Сунула мне торт: – Забери! Сама видишь...

Мы вышли на улицу, дошли до остановки. На пяточке под автобусным расписанием я остановилась. Ника сказала:

– Мне очень жаль... что ты попала в такое время...

– Если бы у тебя был телефон, я бы предупредила. Хоть бы мобильный включила...

– Всё равно... – В голосе Ники слышался упрёк.

Она помолчала. Потом сказала:

– Он не всегда такой.

Ника смотрела перед собой, лицо у неё было замкнутое.

– Не всегда. Трезвый он нормальный.

– А... – запнулась я.

– Я хочу тебя попросить: ты не говори никому о том, что здесь...

– Ну что ты.

– Не говори, – повторила она.

– Обещаю. Спасибо тебе...

– Не стоит. – Ника махнула рукой и пошла к своему дому. Я смотрела ей вслед, пока она не свернула за угол магазина, в котором я покупала торт. В спортивных штанах, носках в красно-белую полоску и домашних тапках Ника выглядела незнакомо и пугающе. Я подумала, что она такая же, как и прежде, и по-прежнему проста той простотой, про которую говорят: воровства хуже.

И всё-таки такого кошмара, как пьющий муж, Ника не заслуживала.

В начале лета Ника две недели провела в Москве. Она готовила репортаж с автомобильной выставки, где у неё случился роман с кем-то из делегации крупной компании. Наташа, встретившаяся с Голубевой после её возвращения, рассказывала, что это был состоятельный человек, который потратил на Нику кучу денег, и что Ника изменилась.

«Ты даже не представляешь, как она изменилась», – сказала Наташа.

Ника приехала похудевшая, с кругами под глазами, и решительная, как самурай. Жизнь, вследствие несчастья мужа и его пьянства, сузившаяся было до бесконечной тягостной колеи, вновь распахнулась перед ней многообразием дорог.

Работа и имидж, который Голубева создала себе после конкурса, виделись ей засовами, запирающими дверь в детство, а брак с известным журналистом обозначил перспективы достижения популярности. После несчастья с мужем, она ещё не нашла способа вернуть потерянный старт, зато обнаружила, что существуют не учтённые ею козыри – такие, как молодость и кокетство. Это открытие её перевоплотило. Ника провела рейд по парикмахерским и косметическим салонам, обновила гардероб. Меня озадачил её стиль: платьица с жабо и воланами, глубокие разрезы, юбки в пол; декольте и яркие помады. К тому же она полюбила рассуждать о сексе. У неё появилась привычка ронять между делом фразы, типа: «Мужики, они вообще...» или «Секс – это...» При этом она пристально глядела на собеседника и многозначительно улыбалась.

– Ты знаешь, а ведь она придумала новую игру, – заметила как-то Наташа. – Называется: светская львица местного разлива.

Она была права: Ника ожила. Тем не менее общаться с ней стало ещё тяжелее.

Однажды, когда я думала о Голубевой, мне пришло в голову, что я ни разу не слышала, как она говорит о чувствах, мужчинах. Даже в институте, когда она восторгалась мальчиками из местных рок-групп, это выглядело так, словно они были книжными персонажами. О сексе она тоже не говорила, даже после замужества. Такое ощущение, что эта составляющая человеческого опыта спала в ней крепким сном. И вдруг, почти в тридцать, в Нике случился переворот; будто открыли бутылку с джином.

Голубева позвонила в обед, предлагая встретиться. Выглядело это так:

– Ты дома? Я сейчас приеду! – И всё, гудки.

– Так ты сегодня идёшь? – спросила Ника с порога.

– Куда?

– В «Лимпопо».

Она прошла в ванную и оттуда говорила. Из-за шумевшей воды голос звучал глухо:

– У Дроздовых юбилей совместной жизни. Они ещё две недели назад приглашали. «Лимпопо» – самое модное сейчас место. Там оборудовали отличный танцпол...

Я, доставая тапки, так и застыла. У Дроздовых юбилей. У Наташи Ларионовой и её мужа Игоря – мы с Денисом были свидетелями на их свадьбе. Точно, именно сегодня.

– Я подарок купила. – Ника вышла из ванны и взяла из моих рук тапки. – Бокалы, шесть штук. А ты что подаришь?

Я молчала, а Ника продолжила:

– Всё-таки забыла! А они хотят с тобой увидеться, ждут тебя. Ты когда последний раз в люди выходила? Когда видела Дроздовых, сто лет назад?... Да и всех остальных тоже.

– Я даже подарок ещё не смотрела.

– До шести успеешь. Пойдёшь?

Я снова вздохнула. Этот вздох одинаково относился к тому, что я забыла про праздник друзей, и к тому, что день желанного покоя был потерян.

– Ну?

– Да.

– Что – да?

– Пойду.

– Ну и хорошо. А у меня к тебе дело. В городе стартует грандиозный проект: клуб – ресторан с кальянной и бильярдным залом. На открытии будут все богачи и модные тусовщики. Пойдёшь со мной?

– Нет.

– Почему?

– Что там делать? В толпе?

– Ну, это совсем другое! Это будет закрытое мероприятие. Понимаешь? Клубные карты... Интерьер, посуда, меню. Развлечения. Общество... Поэтому и открытие с таким размахом. Там даже будет мужской стриптиз. Какое-то известное шоу пригласили на открытие. Пропуска именные, только VIP-персонам. Я бы пошла, но одна не хочу.

– Ты – VIP-персона?

– Мне рекламодатели устроили. Два билета.

– Возьми Уголькова.

Ника усмехнулась.

– Как ты это себе представляешь?

– Если бы театр. Или кино. Или выставка...

– Ну, почему ты стала такой скучной? – сказала Ника. Достала из пакета и разложила на столе конфеты и халву.

Чайник закипел. Я разлила по чашкам чай.

– Я сразу про тебя подумала. Ну что, у тебя никто не появился?

Я посмотрела на Нику. Она отламывала ложкой халву и, собрав губы, отправляла кусочки в рот. Маникюр у неё был идеальный, перламутрово-розового оттенка, модного в этом сезоне, а халва на ложке тёмная.

– Ну, что ты молчишь, – нетерпеливо сказала Ника. – Я говорю, у тебя, в конце концов, кто-то появился или нет?

Я вспомнила, что когда-то хотела задать ей тот же вопрос. Но не успела: Ника упомянула о Николае. Сколько лет прошло с тех пор?..

– Сколько лет ты замужем?

– О чём ты? – удивилась она, отложив ложку. – Маша, послушай. Ну, сколько можно монашествовать? Ты не думаешь, что вот так можно просидеть всю жизнь? Никаких перемен!

– Я не хочу в ресторан.

– Боже мой! – Ника закатила глаза. – При чём тут ресторан! Главное то, что там будут все богатые мужики города! Куча мужиков, и часть из них, между прочим, разведённые или неженатые, свободные, в общем, уж я-то знаю. Ты что, всю жизнь хочешь одна прожить? Ну, если не муж, то любовник-то тебе должен же быть нужен!

– Я поставила себе цель – найти любовника, – подытожила Ника.

Её взгляд упал на полку холодильника, откуда я доставала масло. Ника всплеснула руками:

– «Бейлис»! У тебя в холодильнике «Бейлис», и ты молчишь!

– Ты же не пьёшь.

– Ой, у меня столько вечеринок... Да и «пьёшь» – это вообще не про ликёр. Ликёр – это для души, в чай добавить.

Я достала бутылку. Ника открутила пробку, понюхала. Плеснула из бутылки в чашку с чаем. Сделала пару глотков, и её глаза затуманились.

– Слушай, тебе не жалко, что жизнь идёт – а движения нет? Я имею в виду, любовные впечатления. Романы. Всё быт, дрязги, суета...

– Настоящий роман был у Ромео и Джульетты. А мы простые смертные.

– Ромео и Джульетта – глупые дети. И к тому же это выдуманная история. А я хочу романа! Серьёзного, взрослого романа. Красивого романа, понимаешь?

Ника мечтательно прикрыла глаза и так сидела, и чуть покачивалась на стуле. Я долила в чай ликёра. Глотнула и послушала, как горло впитывает его мягкий вкус.

– Любить и спать – разные вещи.

Ника открыла глаза.

– Святоша. Все тихони со временем превращаются в святош. Пойдём со мной на открытие «Мачо».

– Клуб называется «Мачо»?

– Ты понимаешь, что жизнь идёт, а мы с тобой проживаем её в эмоциональной пустыне? Женщина должна жить чувствами, поклонением, в этом её предназначение. А мы всё работаем!

Я подумала, что, на мой взгляд, предназначение женщины – вести дом и рожать детей. А Ника продолжала:

– Ты думаешь о том, что ещё пятнадцать – двадцать лет – и твоё лицо покроется морщинами? Грудь обвиснет, ляжки покроются целлюлитом, а волосы станут седыми. На тебя, старую кочергу, уже никто тогда не посмотрит. Всё будет в прошлом, а прошлое не вернёшь! Думаешь ты об этом?

– Я две недели работала, как заведённая, и мне отоспаться бы...

– А я вот хочу в «Мачо». Жизнь последнее время кажется мне пустой. Мне кажется, что жизнь проходит мимо. Поэтому я хочу найти любовника. И богатого при том, чтобы не иметь проблем с местом для встреч... и с романтикой.

Ника навалилась на стол и заговорила, понизив голос:

– Я, понимаешь, хочу быть современной женщиной. У меня же был всего один мужчина, – вот этот, который муж. Один-единственный! Не могу сказать, что он ас... был. Но спасибо ему, он объяснил мне, что взрослые люди делают в постели...

– Но зато какой мужик у меня был потом! – Ника посмотрела на меня и замолчала.

До этого момента она не говорила о выставочном романе. Сейчас говорить тоже не спешила, ждала, что я спрошу. Не дождалась. Вздохнула и закончила:

– Я не с мужем, а с ним только поняла... И теперь хочу отношений, которых у меня никогда не было.

Ника откинулась назад и посмотрела так, будто выдала великую тайну, и теперь я должна сидеть, открыв рот. Я улыбнулась, и она нахмурила брови. Я в очередной раз долила в чашки чай. Ника наблюдала за мной блестящими глазами.

– Конечно, тебе это кажется смешным, – обиженно протянула она. – У тебя-то всё было более чем. Даже теперь, когда Денис ушёл, строишь из себя!..

Лицо у Ники покраснело, губы дрожали. Молчание висело осязаемое, плотное, как грязный воздух. Потом Ника потянулась через стол и погладила меня по руке.

– Не злись.

– А я не злюсь.

– Ну, не обижайся... Прости меня. Ну, я дура неудовлетворённая, я несчастная женщина. Ты же знаешь, что со мной случилось, какая у меня жизненная драма. Мне всё время кажется, что ты из-за этого надо мной смеёшься. Что все из-за этого надо мной смеются. Ну, прости меня! Боже мой, ну что ты так смотришь! Я заплачу сейчас.

И её глаза вдруг действительно налились слезами.

– Никто над тобой не смеётся. Я только думаю, что твои настоящие проблемы не в этом... не в том, о чём ты говоришь... Ты извини, конечно... Но ты не думала о том, чтобы развестись с Угольковым?

– Нет. – Ника помотала головой. – Я не могу с ним развестись. Ты не знаешь, но квартира, в которой я живу, – она не только моя. Это и его квартира. У него дом был в деревне, родительский, я его продала, чтобы эту квартиру купить. Ну, разведусь я, начнётся раздел имущества. Надо будет продавать, а что я куплю потом, комнату в коммуналке? Я привыкла к отдельной квартире, я столько в неё вложила – денег, сил, ты же знаешь. Я привыкла к собственному унитазу и ванне!

Она вытянула салфетку и высморкалась.

Я молчала. Для меня было неожиданностью то, что у Ники могут быть причины жить с Николаем.

– Я устала, – насморочным голосом говорила Ника. – Я хочу уколоться и забыться. Я хочу развлечений, я хочу мужчину, который сможет обеспечить мне яркие впечатления. Тебе всегда везло с мужиками, ты принесёшь мне удачу. Пойдём в «Мачо».

Я не знала, что ответить. Спросила:

– А может, он сам уйдёт?

По лицу Ники было ясно, что я сказала глупость.

– Не уйдёт он. Куда ему идти?

Ника подливала и подливала себе ликёр. Взгляд у неё поплыл, она несколько раз зевнула и неожиданно сказала:

– Можно я лягу? Спала сегодня... пару часов.

Вот такая она, Ника. И не знаешь, пожалеть её или выгнать.

Ника прошла в комнату и завалилась на диван. Через минуту она уже спала. Я смотрела на её расслабленное лицо и в который раз удивлялась её особому устройству, её лёгкости.

Я вымыла и уложила волосы, нарядилась и достала из шкафа одежду. Ника всё спала. В её сумке зазвонил телефон. Я позвала её, потом тронула за плечо:

– Вставай.

– Отвяжись, – грубо сказала Ника.

– Ника!

Она открыла глаза и с недоумением посмотрела на меня. Повела вокруг глазами, и её взгляд прояснился. Ника села и помотала головой.

– Ничего себе, ликёр. Не ликёр, а снотворное.

– У тебя телефон звонил.

Я принесла ей сумку. Ника достала телефон, и, нахмутив лоб, запикала кнопками. Сообщила:

– Ругаемся всё время. Всю ночь сегодня ругались.

– С ним?

– С ним.

– Из-за чего ругаетесь?

– Пьёт, – коротко сказала Ника. – А я хочу ребёнка родить. Но не от пьющего мужика. Поэтому ищу любовника... И богатого – чтобы растить помогал. И вообще...

Ника достала зеркало, посмотрелась и договорила:

– Если будет ребёнок, мне отойдут две трети квартиры. С ребёнком квартиру продать будет нельзя, потому что по закону ребёнка нельзя из лучших условий в худшие. Тогда мне присудят выплачивать ему долю. Докажу, что это не его ребёнок... и его отселят. Коле моему суд присудит: выселиться и ждать выплаты доли. Выплачу как-нибудь, лет этак за пять – десять. Вот такой у меня план, я консультировалась.

Я поразила до онемения.

– И тебе не жалко будет... Николая?

Я снова сказала глупость, и Никин взгляд мне это ясно объяснил.

– А меня тебе не жалко? Я столько с матерью мучилась! Меня вам всем не жалко?!

Она снова достала платок. Я вышла в прихожую и стала собираться.

Глава 2

То, что причиняет тебе боль, всегда приходит с неожиданной стороны. В моём случае это было осознание того, что человек, которого я знала почти всю жизнь, и в котором была уверена, как в себе, вдруг оказался чужим. «Другая женщина», «ребёнок на стороне» – эти кухонно-мещанские выражения невозможно было отнести к тому, что жило между мной и Денисом, где внешняя близость была продолжением близости внутренней, и штамп в паспорте виделся необязательной меткой совпадения пути, скорее уступкой условностям, чем нашим желанием. Так что, когда спустя время открылось, что в Денисе чужого больше, чем общего, что он знает это и давно идёт по *другой* дороге, в то время как я даже не подозреваю о наступившем одиночестве, – вот это стало для меня настоящей трагедией.

Для того, что я пережила *после*, нет точных слов. Казалось, что я болтаюсь между двумя берегами, не в силах добраться ни до одного; дышу затхлым воздухом темницы; что часть моего сознания отделилась от целого и существует сама по себе, сама по себе изменяется, сама с собой разговаривает образами и мыслеформами. Депрессия: самоедский, целиком обращённый внутрь себя вывих рассудка.

За череду месяцев что-то, конечно, изменилось. Взрывы душевной боли сменились безвкусным однообразием, начисто лишённым вдохновения. Всё, что я любила, отодвинулось далеко на задний план, зато я сумела понять, где искать спасения: в прощении; тогда я смогу двигаться дальше, и, быть может, ко мне вернутся чувства и воля к движению. Вся беда в том, что я не знаю, как это сделать, не знаю, как простить. Обида лишает сил; даже такой брякающий колоколец, как Ника, способен одним словом выбить землю из-под ног, пусть и при том, что я, быть может, не вполне адекватна... Стагнация; штиль.

Об этом я думала после того, как Ника уехала, а я отправилась на поиски подарка. С недавних пор я не разрешаю себе думать слишком долго. Так и в этот раз. Я выкинула из головы мысли и сосредоточилась на выборе подарка для Наташи и её мужа Игоря. Вскоре мне попался отличный плед, я купила его и пошла бесцельно по улице. Зашла в кафе, которое до пяти часов работало, как столовая. Было без двадцати пять, но ещё оставалась нормальная столовая еда, и она была горячая. Я решила просидеть здесь до половины шестого, а потом пойти пешком в «Лимпопо», пристроилась у большого окна и стала рассматривать людей, которые шли по улице.

Я доедала салат, когда позвонил Ян Бокар. Он сказал, что билет пришлось взять на неделю раньше, на завтрашний вечер, и он хочет увидеть меня, чтобы попрощаться. Ян был самый приятный из моих коллег. Я сказала: «Приезжай в кафе».

Он приехал быстро, сначала я увидела, как он перебегает улицу, потом, как идёт по тротуару, держит и оглядывает маленький розовый букет, похожий на букет невесты.

– Привет. – Ян протянул мне розы.

– Спасибо.

Я поднесла розы к лицу.

В далёком городе Иркутске Бокара ждала девушка с необычным именем Руслана. Девушка училась на бухгалтера и мечтала стать моделью. Ян собирался жениться на Руслане и сделать ей трёх или четырёх ребятишек, чтобы она навсегда забыла свои мечты. Я считала, что лучшим даром любви было бы помочь Руслане найти работу в модельном агентстве. Ян не соглашался, он боялся, что Руслана бросит его, и не забирал Руслану только потому, что от нашего города до Москвы, где с модельными агентствами было проще, чем в Иркутске, было рукой подать. Мне казалось, что у Русланы на фотографии глаза далёкой звезды, которой не суждено зажечься, которую потушат незаметно и из лучших побуждений. Я сказала

об этом Яну. Он ответил, что в любви каждый сам за себя, и благородство – отступное любви уходящей: любовь, которая здесь, всегда корыстна, да и разве плохого он желает Руслане?

Мы пили кофе и болтали. Я знала, что нравлюсь Бокару, и это вытеснило жалкие мысли.

Я спросила:

– Все говорят, что ты хочешь со мной переспать. Это правда?

– Кто это тебе сказал? – шутливо нахмурил брови Ян.

– Так, значит, нет?

– Досужий вымысел и бабьи сплетни. – Ян показал мне язык.

Мы снова болтали о незначительных вещах, мне было легко и грустно. Одновременно где-то глубоко внутри меня нарастало беспокойство. Когда стрелка часов на стене кафе показала половину шестого, мне пришла в голову идея.

– Яночек, ты свободен сегодня вечером?

– И ночью тоже, – с готовностью откликнулся Ян.

– Я сегодня, вот прямо сейчас, приглашена на семейный праздник. Ты не мог бы пойти со мной?

– С какой стати?

– Мне хочется пойти туда с мужчиной. Ты можешь притвориться моим мужчиной на один вечер?

– А на ночь? – Глаза Яна улыбались.

– Нет, только на вечер. Пожалуйста, выручи меня.

– Политический момент? – Ян прищурился.

Он потянулся, вытянул ноги, и на него с грохотом упал зонт, который я приставила к стене под столом.

– Что это? – Он вытащил зонт и разглядывал с комичным ужасом.

– Зонт-трость. Мой зонт. Потрясающе полезная вещь, когда идёт дождь. И потрясающе неудобная, когда дождя нет.

– Но ведь уже две недели не было дождей!

– С утра передавали, что будет дождь. Мне не хотелось промокнуть, и я весь день таскала его с собой, а дождь не пошёл.

– Ты зануда. Вот этот зонт...

– Ян!

– Ну хорошо, хорошо. Честно говоря, я надеялся, что сегодня вечером ты свободна... Но, раз нет, пойдём, поздравим твоих друзей. Только, чур, я буду тебя обнимать.

Он улыбнулся, и я улынулась ему в ответ.

Мы вышли на залитую светом улицу и пошли по направлению к «Лимпопо». Я взяла сумку и цветы, а Ян нес чемодан с пледом и зонт. Он всё пытался поудобнее пристроить зонт за спиной, но зонт болтался и бил его по пояснице.

– Чёрт, и правда, до чего же неудобный. Может, выбросим его в контейнер? Какой-нибудь бомж найдёт, скажет тебе спасибо.

– Ни в коем случае. Это мой любимый зонт. Он у меня сто лет...

Ян только хмыкнул в ответ.

– Куда мы идём?

– В «Лимпопо». Там праздник у одной семейной пары. Ещё там будут другие дружественные им семейные пары, и, может быть, человека три придут поодиночке. Ну и мы с тобой. Большая компания.

– Ты уверена, что мне стоит идти?

– Уверена. Наташа наверняка заказала на несколько персон больше из предосторожности, что у одиноких появилась вторая половина.

– А ты, значит, одинокая?

– Да. Как тебе известно, я разведена. У меня к тому же нет любовника, и это очень беспокоит моих друзей. Поэтому я и позвала тебя – чтобы мне снова не пришлось выслушивать...

– У тебя нет любовника?

– Нет.

– И ты всем об этом рассказываешь?

– Кому – всем?

– Всем мужчинам, которые за тобой ухаживают?

– Да нет, только тебе. Я, знаешь, ухаживания сразу обрываю. Считаю, тебе повезло.

Я чувствовала нарастающее волнение. Такое неприятное беспокойство в животе.

– А почему обрываешь?

– Что? Ну, как-то так получается...

Мы подошли к «Лимпопо». Я достала телефон и увидела, что мы опоздали и что Наташа звонила мне три раза, а Ника – шесть. Я остановилась и затолкала букет Яна в сумку.

– Что ты делаешь?

– Мы не купили цветов Наташе. А, когда приходят на праздник и несут цветы, виновники торжества думают, что это для них, а это не для них...

– Слушай, давай, я не пойду, – вдруг спохватился Ян. – Ну зачем мне туда идти?

Я не успела ответить. Дверь открылась, и на крыльцо вышел Игорь Дроздов.

– Маруська! Наконец-то! Где ты...

Тут он заметил Яна. Игорь протянул руку:

– Игорь.

– Ян. – Ян пожал руку и посмотрел на меня.

– А мы думаем, куда вы запропали... Я машину вышел посмотреть, а тут вы. – Незаметно для Яна Игорь скосил на него глаза и вопросительно поднял брови.

Я улыбнулась:

– Игорёк, поздравляю!

Мы вошли внутрь, прошли общий зал и вышли через коридор во внутренний дворик. Пока шли, Игорь рассказал, что хозяева заведения его знакомые и аренда двора, с тем чтобы закрыть его для посетителей, обошлась им в половину от положенного.

Во дворике было очень хорошо. Столы составили в один. За широким краем сидела Наташа, рядом стоял пустой стул Игоря. По краям длинных сторон расположились гости. Там были Мартыновы, Елизаровы, Наташин младший брат Вася, какая-то незнакомая женщина, Сергей, был друг Игоря Слава Матвеев и ещё кто-то. Я нашла глазами Нику. Она была без Николая.

Дениса среди гостей не было.

Мы вошли, и гости зашумели. Игорь показал места – в конце стола, напротив Ники. Я постучала ложкой, и стало тихо. Я поздравила Дроздовых и передала Игорю плед. Наташа сказала, как они рады меня видеть, как они рады, что я пришла с другом. Ян поклонился. Наташа многозначительно посмотрела на Нику. Мартынов предложил выпить за появление опоздавших. Ян тут же налил вина.

Все стали чокаться. Кто-то включил музыку. Я пила мало, а есть мне ещё не хотелось. Наташа наблюдала за мной через стол. Поймав мой взгляд, она отрицательно покачала головой и что-то сказала. Я прочитала по губам: «Дениса не будет» – и поблагодарила её глазами. Мне сразу стало спокойнее.

– Маша, попробуй салат с морепродуктами, – крикнул Слава Матвеев. – Вкусный!

Ян положил салат.

– Вы давно встречаетесь? – продолжал кричать Матвеев.

- Что?
- Ты с Маней давно встречаешься?
- Давно, – прокричал в ответ Ян.
- Давно – это сколько?
- Два года.

Защёлкали зажигалки, воздух наполнился сигаретным дымом. Пришли официантки, убрали грязные тарелки, принесли новую еду. Заиграла медленная музыка. Ян поднялся и потянул меня за собой. За ними вышли танцевать Дроздовы, Настю Елизарову пригласил Сергей, её муж о чём-то спорил с Васей, а женщина рядом с ним курила и стряхивала пепел в креманку из-под оливок. Ян был единственный незнакомый мужчина в компании, и женщины невольно старались ему понравиться. Только Наташа осталась невозмутима и улыбалась из-за плеча мужа.

На музыку во дворик стали выходить люди. Все они были пьяненькие и весёлые. Игорь сделал движение, но Наташа удержала его. Я поняла, что Игорь хотел напомнить хозяевам о том, что они договорились не пускать других посетителей во дворик, но Наташе понравилось, что пришли люди, которые будут танцевать. Они вернулись к столу. Ян ушёл и вернулся, обнимая две бутылки водки. Следом официантка несла вино. Ян сказал:

- Это мой подарок виновникам торжества.
- Что вы, что вы! – мелодично отозвалась Наташа. Она улыбалась.

Женщина, которая сидела рядом с Наташиным братом, спросила, не знаю ли я, где здесь туалет? Мы пошли в кафе. Нашли туалет, и женщина скрылась за дверью. Я посмотрела в окно, которое выходило на улицу, и увидела Арсения. Он был в клетчатых штанах на подтяжках и свободной рубашке, на голове кепка, туфли в пыли. Арсений шёл по тротуару, и рядом с ним шли парень и две девушки. Они остановились у крыльца «Лимпопо» в нерешительности, но звуки музыки привлекали их. Друг за другом они зашли в кафе. Женщина вышла из туалета и улыбнулась мне.

- Меня зовут Рая, – сказала женщина. – Я пришла с Наташиным братом Васей.

Она была старше Васи, и я подумала, что могу себе представить её тревоги. Я сказала:

- В семье его считают непутёвым, а он просто не нашёл своё. – И Рая снова улыбнулась.

Когда мы вернулись, я сразу поняла, что что-то случилось. Всё было по-прежнему, но на мелькнувшем в толпе лице Наташи проступало волнение, и оно было как-то связано со мной. Я предположила, что какая-нибудь женщина выпила лишнего и повисла на Яне, а её спутник полез в драку. Но Ян был в другом конце дворика, он помогал диджею, и в его движениях читалась деловитая безмятежность. Я пробралась сквозь танцующих к столу и увидела Дениса. Денис разговаривал с Игорем Дроздовым; коротко остриженный затылок, светлые джинсы, белая майка; сумка. Плечи ссутулены, в изгибе спины усталость.

Я села и стала есть салат из морепродуктов.

- Привет.

Денис сидел на стуле Яна.

- Привет.

- Я заскочил на минутку поздравить... Как жизнь?

- Хорошо.

- Я уезжал. Вот прямо с вокзала...

Мы помолчали. Играла музыка. К нам никто не шёл.

- Ну а ты как? Как жизнь?

- Мне сказали, ты сегодня с другом, – перебил Денис. – Кто этот парень?

- Его зовут Ян Бокар. Мы работали в одном кабинете.

- Еврей?

- Мне кажется, поляк. Хотя не знаю. Или украинец.

– Ну и как у вас?

– Что?

– Я говорю – как у тебя с ним? В смысле отношения.

– Отлично. А у тебя?

Денис неопределённо пожал плечами. Он смотрел на меня и молчал.

Я спросила:

– Как отношения с Дмитрием Ивановичем?

– Нормально.

– Как Лариса?

Он сжал губы.

– Как Юля?

Денис вдруг вскочил и зашагал к выходу. У дверей остановился. Постоял, развернулся и пошёл назад. Снова сел на стул рядом со мной. Он смотрел мне в лицо. Он смотрел так, как только он один в целом свете умел смотреть. Как большой, сильный и надёжный человек; упрямо и яростно; как человек, любовь которого способна всё перевернуть и всё преодолеть. На самом же деле всё было не так; к сожалению, всё было совсем, абсолютно не так.

Он протянул руку. Я отстранилась.

– Я хотел тебя видеть, – сказал Денис.

Я посмотрела на него.

– Я знаю, что ты обо мне думаешь, – сказал Денис. – Но, быть может, у нас когда-нибудь получится...

– Уходи.

Он шумно вздохнул и вытянул под столом ноги, ему на ноги упал зонт. Он поднял его и разглядывал с удивлением.

– Зонт? Это что, тот самый?

Я дёрнула зонт, но Денис держал крепко.

– Ну да. Это тот самый зонт, – сказал Денис; удивления в его голосе прибавилось.

– К тебе это не имеет никакого отношения. Отдай.

– Почти не выцвел. Хотя неудобный, из моды вышел. Зачем ты таскаешь его?

– Сегодня обещали дождь.

– Две недели стоит жара...

Неожиданно вся моя выдержка испарилась, и я сказала:

– Денис, ты забыл, кто мы друг другу. Я для тебя – прошлое. И ты для меня – прошлое...

Давай уже, уходи.

Денис смотрел мне в лицо.

– Ты меня держишь.

– Конечно. Это очень удобная позиция. Ты женился, но я тебя держу. Я держу тебя, но при этом у тебя другая семья. Что же ты хочешь от меня? Давай, вали отсюда.

– Так отпусти меня!

– Уходи!

Денис резко встал и пошёл к выходу. Я подняла брошенный им зонт и поставила под стол. Ко мне уже летела Наташа.

– Что он сказал тебе? О чём вы говорили?

Она протянула салфетку.

– Так, ни о чём. Я спросила его о семье. Потом он побежал. Вернулся. Посидел немного и ушёл.

– Кто же знал, что он приедет! – Наташа всплеснула руками. – Я ещё утром звонила ему, и он сказал, что не сможет! Если б я знала, что он приедет, я бы предупредила. Если б я знала!..

– Не переживай. Мы виделись полтора месяца назад. Пять недель и три дня. Понимаешь? Время от времени мы с ним встречаемся. Не часто.

Наташа смотрела широко открытыми глазами.

– Нет, нет. – Я улыбнулась. – Мы даже не дотрагиваемся друг до друга. Так, сидим в кафе. Недолго. Выпьем кофе – и гудбай.

– Но... как же... Зачем?

Я пожала плечами.

– Зачем... Я тоже спрашиваю себя: зачем? И нет ответа.

Наташа стояла, держась за спинку стула, и глаза у неё были словно ярко-синие плошки.

– Бедная ты моя, бедная. – Она опустила на стул, как большая светлая птица, птица с ярко-синими глазами, и прижала мою голову к своей груди. – Бедная ты моя, бедная!

Я высвободилась.

– Не говори так. Лучше расскажи, как твои мальчишки. С кем вы их оставили?

Наташа не ответила. Она смотрела перед собой, моргала; думала. Искала для меня выход. Она всё время искала для меня выход. Столько мы уже перепробовали этих выходов, и все оказались тупиками.

Подожёл Ян.

– Где ты ходишь? – спросил он. – Мне женщины скоро все места оторвут.

– Я хочу выпить, – сказала я.

Ян налил вина, и мы выпили. К нам подошли Сергей и Настя Елизарова, и я предложила им выпить с нами. Потом Сергей сказал, что покажет, как надо смешивать колу с водкой. Он намешал всем по бокалу. Смесь была похожа на колу, которая горчила в самой глубине вкуса. Сергей объявил, что этот коктейль называется «Тип-топ», а Ян засмеялся и сказал, что это просто «ёрш» с колой.

– Как тебе тут?

– Отлично. Но я весь вечер держу в голове вопрос, не передумала ли ты насчёт ночи вдвоём.

Я посмотрела на него, и он отодвинулся:

– Ты что... Что с тобой?

Я взяла сумку и пошла в кафе.

В туалете я поплакала, потом умылась, села на крышку унитаза и снова нарядилась. Хорошая привычка – носить с собой косметичку. И то, что на свете существует такая вещь, как косметика, тоже очень хорошо.

После этого я пошла к барной стойке. Мне хотелось потолкаться среди незнакомых людей, хотелось, чтобы все люди были незнакомыми. Здесь тоже танцевали, и в зале, и между столиками. Места хватало, но было душно. Я посмотрела: двери во дворик и на улицу были открыты. За спиной бармена крутился напольный вентилятор. Но всё равно было очень душно.

– Здесь нужна вентиляция, – сказала я бармену.

– Что?

– Я говорю: душно. Нужен кондиционер.

– Да. К зиме обещали установить.

Я потрясла головой. Оглушение проходило. И вдруг вспомнила про Арсения и поискала его глазами. Я знала, что если Арсений здесь, то он обязательно будет танцевать, а если он будет танцевать, соберётся толпа. Я обвела зал глазами. У дальней стены собралась толпа, оттуда долетали восклицания, над головами взлетали руки. Арсений, его знаменитый жест.

Люди расступились, и я увидела Арсения. Рубашка выбилась, подтяжки сползали, он то и дело поправлял их одной летающей рукой, рукава уже были закатаны. Кепка была у девушки, она размахивала ею над головой. Я нашла глазами вторую девушку. Обе были хоро-

шенькие, – та, которая держала кепку, – блондинка с длинными волосами, а другая – тёмноволосая с короткой стрижкой, которая ей очень шла. Мне больше понравилась брюнетка. Брюнетка должна была курить, и, если она не курила, надо было подсказать ей это. Сигарета подошла бы к её стрижке, и к глазам, и к чётко очерченным дугам бровей, и к тому, что в ней было, что делало её старше, хотя, если приглядеться, они с блондинкой были ровесницами. В её глазах, в лице было что-то отстранённое и трагическое одновременно. Я долго соображала, кого она мне напоминает, пока не поняла, что брюнетка здорово похожа на Марлен Дитрих, если бы Марлен было лет двадцать.

Всё происходящее казалось мне лишённым смысла.

Я почувствовала усталость. Обычно, когда я думала о том, что Арсений встречается с девушками, и особенно, когда я его с ними видела, во мне загоралось сложное чувство, которому я не могла найти объяснения. Это чувство вмещало в себя как надежду на то, что Арсений полюбит кого-нибудь, так и явно отдающую животным ревность, но больше всего – страх, что Арсений чего-нибудь выкинет. Всегда, когда я его видела, я это ощущала. Но в этот раз я почувствовала только усталость. Денис и Арсений в один вечер – это слишком.

Я вернулась во дворик. Там всё было по-прежнему, так же танцевали. Наташа оживлённо беседовала с Раей, должно быть, о своём брате. Елизаров и Матвеев обсуждали – я предположила, потому что они всегда говорили об этом, – автомобили, Настя Елизарова кружилась с Сергеем, я увидела в разных концах площадки Мартыновых, и все остальные толкались тоже тут. Вокруг Яна – с ним был Мартынов и Ника – вилась целая стайка женщин в разной степени опьянения, они смеялись. Я села за стол. Наташа на другом конце тут же повернулась и вопросительно посмотрела на меня. Надо было уйти, пока Арсений меня не заметил. Я хотела взять вещи и попрощаться.

Компания Арсения ввалилась во дворик. Я повернулась к ним спиной в надежде, что парень в клетчатых штанах не заметит меня. Мне стало ясно, что я выпила лишнего. Спиртное всегда действовало на меня так: рассеянность или слёзы, или то и другое вместе. Не надо было пить после ухода Дениса. Но в моей жизни было столько неправильного, что сожалеть о такой мелочи, как не ко времени выпитое спиртное, было бы смешно.

– Ты почему сидишь одна? – спросила за моей спиной Ника. – Что с тобой?

– Почему ты не сказала мне утром, что встречаешься с таким...

Она щёлкнула пальцами над моей головой.

– Я бы не приставала к тебе тогда... Везёт тебе на мужиков, и ты ещё говорила, что это не так! И ведь молчит!

– Это ты сказала Денису про Яна?

– Да, а что? Пусть знает, что у тебя всё в порядке. Не только у него!

– Какая же ты дура, Ника, – от души сказала я.

– Это почему же? – Ника наклонилась ко мне. – Да ты пьяная!

– Да. Вызови мне такси.

– Маша! Маша, что вы тут делаете?

Арсений упал на стул, на котором до этого сидел Денис.

– А ты что здесь делаешь?

– Гуляю.

– Я тоже гуляю.

Я чувствовала, что Ника из-за моего плеча смотрит на Арсения. Меня душила злость. Я знала, что теперь будет ещё хуже. А тут ещё Ника. Я обернулась и посмотрела на неё, а Ника сказала:

– Вы – Арсений Любачевский? Сын Ярослава Любачевского?

Арсений поднял глаза, будто удивлялся, что здесь ещё кто-то есть.

– Да.

Ника придвинула стул и села.

– Вы играли Оливера Твиста в январской постановке? А до этого – Мальчика-звезду?

Арсений закатил глаза, кивнул с шутливо-обречённым видом. Но я заметила на его лице тень досады.

– Я так давно хотела взять у вас интервью, – заволновалась Ника. – Скажите, а что у вас с «Щукой»? Вы будете поступать в «Щуку» на следующий год?

– Ну, ты и нахалка, – сказала я и повернулась к Арсению: – Вызови мне, пожалуйста, такси.

Арсений извинился и ушёл.

– Откуда ты его знаешь? – набросилась на меня Ника. Её трясло от возбуждения. – Это же сын Любачевского, режиссёра камерного театра «Пигмалион». Ты хорошо его знаешь?

– Не очень.

– Но он назвал тебя по имени, – настаивала Ника. – И ты обращалась к нему на «ты»! Слушай, договорись с ним о встрече? Для меня. Я давно хочу раскрутить этот театр.

– Сама договаривайся.

Ника забарабанила пальцами по столу.

Арсений вернулся и весело сообщил:

– Вызвал. Можете собираться.

Я пошла прощаться.

– Спасибо, что приехала. Не расстраивайся и позвони мне в понедельник, – попросила Наташа.

Я пожелала удачи, сказав, что всё прошло замечательно и что, конечно, позвоню.

– Мне что-то плохо, а Ян ещё потанцует, хорошо? – добавила я.

Наташа заглянула мне в глаза; должно быть, она подумала, что знает меня давно и слишком любит, чтобы осуждать. На Яне была надета кепка Арсения, и он танцевал с блондинкой, её голова лежала у него на плече. Глаза у Яна были закрыты, он шептал блондинке что-то в ухо, а она томно улыбалась, тоже закрыв глаза. Брюнетки не было видно. Я сняла с головы Яна кепку. Он открыл глаза и поднял голову.

– Я уезжаю. Спасибо тебе. Развлекайся тут.

– Кто это? – капризно сказала блондинка. Тушь у неё размазалась, это выглядело так, словно ей поставили синяк. Но синяк под глазом ей шёл, он делал её ещё более хрупкой и беззащитной.

– Это моя сводная сестра, – ответил Ян. – Ты в порядке, Мань?

– В порядке. Счастливо добраться, а потом напиши, хорошо?

Он улыбнулся и одними губами сказал: «Пока».

Я вернулась к столу. Арсений стоял, одно ухо он зажимал рукой, а другим слушал телефон и морщился от того, что из-за музыки ему было плохо слышно. Ника застыла рядом, как взявшая след собака. Увидев меня, Арсений убрал телефон и сказал:

– Всё, машина приехала.

Я подала ему кепку, он засмеялся и надел её.

– Так я позвоню? – напомнила Арсению Ника.

– Что? Да, конечно, – рассеянно ответил Арсений. Он крепко держал мой локоть.

Я попрощалась с Никой, взяла сумку и зонтик и пошла впереди Арсения. И пока мы шли по улице до такси, я чувствовала Никин взгляд.

Арсений назвал мой адрес. Он взял в ладонь мои пальцы, я высвободилась, закрыла глаза и сидела так почти всю дорогу. Мимо плыли сонные улицы, фонари, в приоткрытое окно проникал звук шуршащего асфальта, и веяло смешанным запахом прогретой дороги и зелени. Вдруг начался дождь. Я закрыла окно и стала смотреть, как бегут по стеклу длинные

струйки, как они дробят улицу, всё, что на ней стоит и по ней двигается, как выстреливают вверх купола зонтов и летят веера брызг из-под колёс.

Арсений провёл пальцами по моей руке.

– Она пошла за нами и смотрела в окно. – Он тихо засмеялся.

– Зачем ты поехал?

– Если бы я не ушёл, она бы меня съела.

– Почему ты не спросил, хочу ли я, чтобы ты ехал?

– Почему ты не сказала, что будешь в кафе? – уже совсем невесело сказал Арсений. –

Мы две недели не виделись!

Глава 3

Мы ехали по центральным улицам в потоке машин. Дважды поток замедлялся из-за пробки; субботний вечер, все куда-то едут. Арсений отвернулся к окну. На узких улицах свет фонарей скользил по его скулам и шее, ямки у ключиц казались неправдоподобно глубокими. Разноцветная подтяжка то появлялась, то снова исчезала. Такси остановилось на красный на последнем перекрёстке, скула Арсения окрасилась в розовый, потом стала жёлтой. По ней побежали тени, и машина тронулась.

Мы вышли из такси. Поднялись в квартиру. Я открыла дверь, скинула туфли, поставила зонтик в стойку. Прошла в комнату и легла на диван. Сил не было даже на мысли.

Я слышала, как Арсений двигался по кухне, умывался и чистил зубы в ванной. Потом пришёл ко мне.

– Я принёс тебе чай.

– Я не хочу.

– Что-то случилось?

Я закрыла глаза.

– Что с тобой? У тебя что-то произошло?

– Выпила лишнего.

– На работе что-то?

– Я чувствовала, как он наклоняется к моему лицу.

– Ты же знаешь, как я работала последние недели. Устала.

Арсений молчал. Я открыла глаза и снова закрыла. С закрытыми глазами говорить было легче. Но, даже не видя его лица, я чувствовала разочарование, которым наполнилась комната.

– Хорошо, – сказал Арсений. – Давай ляжем спать. Просто ляжем, и всё. Завтра выходной. У нас будет целый день вдвоём.

– Нет. – Я открыла глаза. Арсений смотрел с недоумением. – Сенечка, мне надо побыть одной. Поезжай домой.

Арсений смотрел, не отрываясь.

– Ты никогда не была такой, – медленно сказал он. – Что-то случилось. Что произошло? Скажи.

– Я тебя прошу: уходи.

– Скажи мне правду.

Я закрыла глаза, но всё равно чувствовала, как он вглядывается в моё лицо. Он не шевелился. Я пыталась найти в себе силы, но не набрала даже крошки. Чёрт с тобой, Арсений. Чёрт с тобой, малыш. Гори всё синим пламенем, провались в тартарары... Я открыла глаза и посмотрела ему в глаза, прямо в чёрные зрачки.

– Хорошо. Значит, правду. Правда такая: я встретила человека, которого любила много лет.

Рука Арсения застыла. В моё лицо толкнулась волна охватившего его изумления.

– Ты говорила, что никогда никого не любила!

– Я обманула тебя.

Арсений молчал, осмысливал. Потом спросил:

– Когда?

– С тех пор прошёл уже год и месяц. А до этого я семь лет жила с ним вот в этой самой квартире. Он был моим мужем.

– Муж... семь лет, – произнёс Арсений. – Семь лет!.. А... зачем тогда ты говорила, что...? Год назад, – растерянно сказал Арсений. – Это... как раз *тогда* мы познакомились?..

– Я не хотела говорить об этом. Не только с тобой – я ни с кем об этом не говорю... Только с близкими друзьями. Ни с кем больше я это не обсуждаю.

– И что?.. И почему так?.. – Он не мог нащупать твёрдую почву.

Я пожала плечами.

– Не знаю. Почему-то. – Как легко, оказывается, быть жестокой! Даже приятно. Я наклонилась и взяла чашку с чаем. Чай остыл, но всё равно было вкусно.

– Ну и что?

– Ничего. – Я пила чай мелкими глотками. Теперь я не спускала с Арсения глаз. Его растерянность доставляла мне удовольствие.

– Просто после встреч с ним я плохо себя чувствую.

Я поставила чашку на пол. Села и посмотрела на Арсения. Его лицо прозрачно белело в далёком свете кухни. Арсений вглядывался в моё лицо.

Чуть погодя он спросил:

– Он тебя бросил?

После разрыва у меня было достаточно времени, чтобы подготовиться к тому факту, что все знакомые будут считать так же, как Арсений. Только я и Денис знали, что произошло на самом деле, Денис – на какие-то проценты, а я – на все сто. А окружающие видели только поверхность событий, банальный тандем «измена – развод»...

– Ты до сих пор обижена на него, поэтому сегодня такая перевернутая, – подвёл итог Арсений.

– Но зато у меня появился ты... И это здорово. Правда ведь, здорово?

Тревога и напряжение собрали тело Арсения в плотный комок. Я вспомнила, как он танцует. Странное дело – при этом воспоминании я почувствовала, как напряжение отпускает, и даже, – что ещё немного, и на смену всему, что было во мне в этот вечер, придёт вполне плотское возбуждение. Я хитрила. Я уже угадала эту лазейку – возможность смыть всю копоть дня сексом. Я отстранилась от слов, которые произносила, отстранилась от своего и от общего с Арсением прошлого и думала: если мальчик поможет мне, я смогу поймать состояние, в котором возможен секс.

Но теперь изменился Арсений.

– Нет, – ответил он. – Вот именно сейчас это не здорово.

– Разве тебе не хочется быть сегодня со мной? Мы не виделись две недели.

– Мне... как-то нехорошо стало. Мне... надо осознать это.

– Ты думал обо мне одно, а оказалось другое?

– Да. То есть нет. Ничего не изменилось, но я чувствую, что мне надо прийти в себя.

Наш разговор изменился с точностью до наоборот: слова, интонации. Невезуха. Слушается же такая невезуха. Я усмехнулась.

Зазвонил телефон. Арсений схватил трубку. Он вышел в прихожую, но я слышала, как он сказал в конце: «Ладно». Вернулся:

– Ребята едут за город. Звали меня с собой.

Он заторопился:

– Ты не думай, что я хочу сбежать после того, как ты мне сказала... Просто это так неожиданно. Ну и что в том такого, что ты любила кого-то, а потом вы расстались? Ничего в этом особенного нет. Полно людей, у которых так происходит... Это было давно, и сейчас ты свободна, и ты со мной. Правда ведь? Что в том такого?

– Правда, – ответила я, уже понимая, что это только начало, а конец будет совсем другим.

Мы помолчали.

– Но мне почему-то кажется, что в этом что-то есть, – шёпотом произнес Арсений.

Арсений, ты делаешь мне больно. К чёрту все разбирательства, к чёрту!

– Сенечка, поезжай. Ты прости меня, я сама себя не узнаю, я устала и перепила. И ты... Ну и зачем нам?.. Вызывай такси.

– Ты правда так считаешь?

– Говорю тебе: я устала.

Арсений быстро поцеловал меня в щёку и ушёл в прихожую. Я слышала, как он вызывал такси. Потом вернулся и снова сел на край дивана. Сказал:

– Ребята говорят, Ирка ушла с парнем, который с тобой пришёл. Это и есть твой муж?

– Нет. Это Ян Бокар, мой коллега. Завтра он уезжает в Иркутск.

– Тебе всё равно?

– Абсолютно. Ирка – это блондинка? А тёмненькую как зовут?

– Лида.

– Стильная девушка. Похожа на Марлен Дитрих. Что-то есть в ней такое... и изящное, и надменное...

Арсений стоял посредине комнаты. Мне не было видно его лица, но я почувствовала, как он напрягся.

– Что ты хочешь сказать?

– Что девушка Лида похожа на молодую Марлен Дитрих. Почему я её раньше не видела?

У него снова зазвонил телефон. Он сказал в трубку: «Да, приеду». Только убрал мобильный, как зазвонил телефон в прихожей. Такси стояло у подъезда.

– Поезжай, Сенечка.

Он вышел в прихожую, потом вернулся:

– И всё же, зачем ты сказала мне, что никого не любила? Зачем ты мне столько раз это повторяла?

Я снова села:

– Перестань. Ну, сказала, ну, повторяла... Мне хотелось так думать. И до сих пор хочется, чтобы так оно и было.

– Но ты говорила! И я тебе верил!

Метнулся в прихожую. Хлопнул дверью.

Щёлкнули замки – сначала квартиры, потом двери секции. Арсений сбежал по лестнице. Спустя минуту приглушённо-далеко грохнула уличная дверь.

Было душно и я открыла окно. Под окном разрослась трава. В аллее молодых липок виднелась пешеходная дорожка среди сочной зелени, а за ней – широкая асфальтированная дорога. За дорогой, как зеркальное отражение: трава, аллея, дорожка и такой же дом. Если вглядеться, то можно было увидеть нетронутое поле, за которым текла река. Недалеко, километрах в тридцати, располагалось водохранилище. Окраина города. Новый спальный район. Мне нравились старые районы, но и к этому я со временем привыкла. Здесь оборудовали парк отдыха и детские площадки, посадили деревья, район обживался. От поля и большой воды гуляли ветра, но именно это мне нравилось больше всего. Это примиряло с ужасными многоэтажками, с тысячами одинаковых окошек, с привкусом толпы. Сейчас, ночью, я улавливала дыхание воды. Может быть, поток ветра с реки заменит снотворное.

Лежа в кровати, я думала о том, как всё начиналось и как сложилось впоследствии, и перед глазами вспыхивали картинки. Я стала вспоминать всё, что думала о любви в счастливые времена: свои наивные и смешные мысли, впечатления, которые считала яркими, а они были всего лишь набросками. Я думала о том, что у меня в юности было заблуждение, что обида убивает любовь и что любовь можно выгнать из себя силой, если этого требуют обстоятельства, и если какой-то герой из фильма страдает годами, то это художественный вымысел. Я часто об этом думала. Снова и снова переживала великие прозрения и опять думала в надежде, что восприятие поблекнет. Но боль не уходила, не притуплялась, так и

оставшись во мне, словно заноза. Я заплакала. Слезы принесли облегчение, и я не заметила, как заснула.

Меня разбудил домофон. Это могли быть подростки, они часто терроризировали дом ночными звонками. Это мог быть кто-то из любителей выпить. В подъезде жила парочка выпивох, которые вечно теряли ключи. Они приползали домой под утро и, не добудившись жён, начинали трезвонить всем подряд. Это мог быть кто угодно. Я натянула на голову одеяло и снова задремала, но тут до меня дошло, что мигает экран мобильного на полу перед диваном. Светилось имя: Арсений. Я подержала телефон в руке. Почему-то я была уверена, что звонит не Арсений, а Марлен Дитрих. Спросонья я не сразу вспомнила, что тёмненькую девушку зовут Лида, и так и подумала: звонит Марлен Дитрих. Но это на самом деле был Арсений.

– О господи, наконец-то!

– Что такое?

– Я звоню в дверь, на мобильный, на городской, а ты не отвечаешь! Я уже хотел полицию вызывать!

– Ты с ума сошёл. Который час?

Арсений ввалился в квартиру и повис на мне. Он дрожал, и от него пахло водкой. Он обнял меня, тут же отстранился и посмотрел мне в лицо. У Арсения были тёмно-серые глаза, и сейчас они были гораздо светлее, а сам взгляд чистый и глубокий, смутно похожий на взгляд иконописных святых. Я поняла, что он здорово напился.

– Почему ты не брала трубку?

– Я отключаю на ночь телефон, а мобильный ставлю на беззвучный. В домофон у нас кто только не звонит, я привыкла не обращать внимания. Ты же знаешь.

– Но ты должна была увидеть!

– Я спала.

– Спала? – Он широко открыл глаза. И тут же нагнулся, стал возиться с туфлями, снял, прошёл в комнату, упал в кресло. Я прошла вслед за ним. Села на диван. Арсений молча смотрел на меня.

Я сказала:

– Что, по-твоему, я должна была делать в такое время? Раздевайся. Я расправлю диван.

– Меня ребята ждут во дворе.

– Ребята?

– Напой меня чаем.

Посреди стола стояли розы Яна Бокара. Арсений засунул их в двухлитровую банку. Я достала из шкафа вазу, переставила букет. Зажгла газ и, пока грелся чайник, смотрела в окно. Дорога лежала гладкой лентой – пустая и черная, фонари над ней светили по-прежнему тускло и безучастно. В воздухе угадывался рассвет, и в открытую форточку лилась утренняя тишина. Я предположила: три часа утра, три пятнадцать. Вернулась в комнату, посмотрела на часы. Было тридцать семь минут четвёртого. Арсений сидел в кресле, опустив лицо в ладонь руки, локоть упирался в валик.

– Тебя не хватятся?

– Нет, – ответил он, не поднимая лица. – Они думают, что мы трахаемся.

Я остановилась посреди комнаты.

– Они хорошо о тебе думают.

– Да. Они мои друзья, и они всегда думают обо мне хорошо.

Я вернулась на кухню, налила чая, поставила на поднос чашки и вазочку с конфетами и принесла в комнату. Поставила около кресла и села на ковёр.

– Сенечка, что такое?

Арсений поднял голову.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что ты привозишь среди ночи своих друзей, говоришь, что мы будем заниматься любовью, оставляешь их ждать во дворе. Тебе не кажется, что это не совсем хорошо по отношению ко мне? Точнее, совсем нехорошо?

– Я не говорил, как тебя зовут. Я сказал: девушка. Сказал, чтобы меня отвезли к одной девушке. Что мне очень надо тебя видеть. И всё.

Арсений взял конфету. Развернул, сунул в рот, потянулся за чаем.

– Я сказал, что люблю тебя. И между прочим, это правда. Что ты так смотришь? Они не задали ни одного вопроса, они приняли всё как есть. Если бы сказали что-нибудь гадкое... я бы набил им морды. Но они не сказали. Они никогда не сомневаются в том, что я говорю.

Пьяный Арсений был логичен и даже красноречив. Он чётко выговаривал фразы, а наутро мог ничего не вспомнить.

– Ты так серьёзно переживаешь, что у меня был любимый человек?

– Мне надо идти. – Арсений отодвинулся и встал. – Как ты думаешь, времени, которое я тут был, достаточно для того, чтобы потрахаться?

– Ты хочешь меня обидеть.

– Нет, не хочу. Я просто немного расстроился.

– Так оставайся. Отпусти своих друзей и оставайся. Завтра выходной. У тебя ведь нет завтра репетиции?

– Я обещал вернуться. Ребята не поймут, если я не приду.

– Позвони им.

– Я же говорю, не могу.

Арсений надевал туфли.

– Почему ты уходишь?

– Я просто пришёл увидеть тебя. Убедиться, что с тобой всё в порядке. Ты показалась мне расстроенной. Я зашёл посмотреть, что у тебя всё в порядке.

– Почему ты уходишь?

Он разогнулся и посмотрел на меня.

– Потому что ты меня не хочешь. Не физически. *Вообще*. Это не так, как раньше. Это серьёзно. Я всегда боялся, что появится какой-нибудь взрослый мужик и уведёт тебя. А сегодня я понял, что тебя увели ещё до нашей встречи. Твой бывший увёл тебя. А мне ты об этом не сказала. Чужая женщина, а я всё это время думал, что моя.

– Ну что за бред!

Арсений не дал мне договорить. Шагнул и поцеловал в лоб. Я ухватила пальцами за его подтяжки.

– Не уходи. Я хочу, чтобы ты остался. Всё ерунда, стечение обстоятельств, всё это прошлое...

– Прошлое? Ты лицо своё видела? Там, в кафе, я ещё подумал, что случилось, какое лицо у тебя! Почему ты не сказала мне об этом раньше?!

– Пожалуйста. Не уходи. Давай ляжем в постель, всё пройдёт...

– Я не хочу оставаться. Пусти меня. Я позвоню.

– Когда?

– Сегодня, завтра, послезавтра. Когда-нибудь.

– Не пушу. Я хочу, чтобы ты был со мной.

– Пусти. Да отпусти же меня!

Я разжала пальцы. Арсений посмотрел в зеркало. Повернул замок и вышел.

Я снова слушала эту ужасную переключку дверей. Потом вернулась в комнату, отнесла на кухню поднос с чашками. Помыла, расставила всё по местам. За окном рассветало, я слышала гудение редких машин и шорох шин по асфальту. Кто и куда торопился в такую

рань, в выходной? Я вернулась в комнату и забралась под одеяло. Хмель ещё выходил, я долго не могла согреться. Не надо было говорить Арсению про Дениса. Сколько времени молчала и всё-таки выдала. Не надо было говорить. Если бы я раньше ушла из кафе. Если бы он сразу ушёл. Оставил бы меня одну, и завтра я, может быть, была бы здоровой. Во всяком случае, у меня были бы силы притворяться. За ночь и утро... да, за ночь и утро я бы собралась. Зачем он не ушёл и всё спрашивал и спрашивал? Стечение обстоятельств. Вся жизнь – стечение обстоятельств. Это как-то принимаешь, когда много работы, и с этим даже можно заснуть, особенно если открыть окно и подышать воздухом. На особые случаи есть снотворное. Но утром, на рассвете, смириться со стечением обстоятельств – выше сил, отпущенных слабому существу из плоти и крови. Не потому ли самоубийцы выбирают это время? На стыке ночи и нового дня...

Я набрала номер Арсения. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Приятный женский голос. Словно насмешка над горячей пульсацией, где рука с телефоном. Прости меня, абонент. Прости меня, Арсений. Только бы ты вернулся домой целый и невредимый. Только бы ты был жив и здоров...

Я вспомнила, как Арсений танцевал в кафе, и вдруг почему-то, по какой-то подлой ассоциации мне вспомнилось, как мы с Денисом целовались под яблоней, под тёплым летним дождем. Вокруг текли ручьи, на нас не было ни одной сухой нитки, и, когда мы отстраивались, чтобы посмотреть друг на друга, на носах повисали капли. Мы сплелись в одно целое, тёплое и мокрое, и целовались. «Ты моя живая вода, – сказал мне тогда Денис, – ты та, что всегда...¹» И, помолчав, добавил: «Завтра мы купим зонт...»

¹ «Живая вода» – песня группы «Наутилус Помпилиус».

Глава 4

В воскресенье вечером мне пришлось выпить снотворное, и на работу я проспала. Проснувшись, я вышла на улицу и увидела, что наступил отличный день. Солнышко щадило, дул тёплый ветерок, и на глазах распускалась сирень. Она была белая и сиреневая; лет пять назад кто-то из градоначальников постановил посадить на улице кусты сирени, и теперь они были повсюду. Я прошла квартал пешком, нюхая воздух, а мимо текли люди с утренними лицами, запахами, с разными биографиями, и, развлекаясь, я отгадывала имена людей; понаблюдала, как выгружают лоток с мороженым, как его подключают к сети ближайшего магазина, как продавщица надевает фартук и наколку. Когда всё было готово, я купила пломбир и съела его, стоя в густом аромате сирени. Пломбир тоже был отличный. Я дождалась троллейбуса и доехала до работы, разглядывая ускользающие отражения в стекле.

На работе пришлось написать объяснительную, из которой следовало, что я только что освободилась из рабства зубной боли. Мне пришло в голову, что в этом есть какая-то логика, – в том, что в качестве объяснения я выбрала зуб. Я стала беззуба: слаба, подвержена эмоциям. А зубы и вправду пора лечить.

Я взяла у вахтёра ключ и поднялась в кабинет. Стол Яна стоял необитаемый, на столешнице нежилась солнечная полоса. Новенький стол, он напоминал памятник безвременно ушедшему. Вторая коллега загорала в Турции. Ближайшие недели мне предстояло провести в одиночестве.

Включив компьютер, я налила себе кофе и с головой ушла в работу. Перед обедом ко мне заглянули две дамы из соседнего отдела. Они приглашали в столовую. За оставшиеся до обеда минуты я несколько раз набрала номер Арсения. Вечер субботы оставил во мне неприятный осадок нелепости, настолько же случайной, насколько и непредсказуемой. Я не могла придумать, что можно было сказать или сделать в тот вечер иначе и почему всё обернулось так, как обернулось. Станным образом во мне, как заноза, засела обида на Арсения, даже, пожалуй, не обида, а её тень. След от занозы – какая-то пустяшная обида, и звонила я не потому, что хотела слышать Арсения, а потому лишь, что мне надо было убедиться, что с ним всё в порядке. Телефон Арсения не отвечал.

Я закрыла кабинет и спустилась в столовую. Дамы стояли в очереди. Увидев меня, они замахали руками. Обе были намного меня старше, и мне было не очень понятно, почему они приглашают меня с собой обедать. Дамы любили посплетничать, и за обедом я узнавала о том, куда обращён взор начальства. В общем, это было бесполезно, да и дамы довольно приятные. После того как я внятно оборвала попытку расспросить меня о личной жизни, они стали даже ещё приятнее.

– Вот и весна пришла, время огородов. У вас есть дача, Маша? – спросила меня Ирина Ивановна.

– Нет.

– Но, наверно, у ваших родителей есть дача? – задала вопрос Ирина Петровна.

– Нет.

– И вы не планируете купить дачу? Или сад? – поинтересовалась Ирина Ивановна. – Мы с мужем, как только поженились, сразу задумались о том, чтобы купить дачу недалеко от города. Своей дочери я тоже купила дачу после её свадьбы. Так хорошо иметь клочок земли, где можно укрыться от городской суеты!

– Я не устаю от города.

– Вот выйдете замуж, и тогда вам непременно захочется сменить обстановку, – пообещала Ирина Петровна. – Чтобы выезжать с мужем на природу или сад-огород разводить. Так

приятно вырастить что-то своими руками! Увлечение, оно и от грустных мыслей отвлекает, и силы даёт, и радует. Вот увидите!

Мы поели и поднялись к себе на этаж. До конца обеда ещё оставалось время.

– Пойдёмте к нам, попью чай, – пригласила Ирина Петровна. – У меня недавно был день рождения, остались конфеты, ещё что-то... Пойдёмте.

Я отказалась, сославшись на то, что у меня ноет лунка удалённого зуба, вернулась в кабинет и набрала номер театра «Пилигрим». Вежливая девушка, чей голос напомнил «Аппарат абонента выключен», сказала, что Арсений с утра был на репетиции. Это успокаивало. Жив, здоров и невредим мальчик Вася Бородин.

Вторую половину дня я работала не отвлекаясь. За десять минут до конца рабочего дня раздался звонок. Ника Голубева собственной персоной ждала меня в кафе напротив Управления.

– Что ещё заказать? – осведомилась Ника, когда я вошла. На столике уже стояли большой чайник и тарелка с пирожными «картошка». Ника заказала мой любимый чай. Я любила «картошку», когда училась в институте. Значит, Ника запомнила это. А вот откуда Ника узнала про чай, который я полюбила сравнительно недавно?

– Откуда ты знаешь, что я люблю этот чай?

– Я не знала, что ты его любишь. – Она вскинула на меня удивлённые глаза. – Мне он нравится, вот я и заказала. Но ты, наверно, есть хочешь? Я тоже голодная. Что будешь?

Я полистала меню. Мы заказали пару салатов, блины и слойки. Пока ждали салаты, решили пить чай.

– Как закончилась вечеринка у Дроздовых? Долго вы там ещё пробыли?

– Нет. Ты уехала, и я вызвала такси.

– Но тебе понравилось?

– Да, – сказала Ника. – Мне очень понравилось. И твой Ян мне тоже понравился. Давно ты с ним?

– Спрос. – Я улыбнулась. – А кто спросит, тому в нос.

– Ты всё такая же. – Ника вздохнула. – Ни грамма откровенности. Что, скажи, изменится, если ты скажешь, сколько времени ты с ним встречаешься?

– У меня мания преследования. Фобия. Ты сама это сказала. Давно, ещё на последнем курсе в универе. Помнишь?

– Это когда ты промолчала, что к тебе Денис переехал? – Ника прищурилась. – А почему, кстати, не сказала? Даже Наташе!

– Так всё из-за того же. Из-за мании преследования. Нашла ты компаньона для «Мачо»?

– Ты хочешь пойти? – Ника оживилась.

– Нет. Просто спрашиваю.

Официантка поставила на столик тарелки с блинами. Ника воткнула в блин вилку и сказала:

– Кстати. Я хотела тебя спросить о... о Любачевском. Мы с ним договорились об интервью. Он мне номер мобильного дал. Но почему-то не отвечает. Номер верный, он сам позвонил на мой мобильник, чтобы я сохранила. Но уже два дня у него телефон выключен или вне зоны доступа.

– Позвони в «Пилигрим».

– Я звонила. – Ника вытерла губы салфеткой. – Сказали, был на репетиции, ушёл. Это было в обед.

– Позвони завтра. Узнай, когда следующая репетиция, и позвони в это время.

– Позвоню. – Ника кивнула. – А откуда ты его знаешь?

– В больнице лежали в соседних палатах.

– В какой больнице? Когда?

– Какая разница? Лежали в больнице. К нам приходили знакомые, навещали. Среди них нашлись общие, так и познакомились. С тех пор время от времени попадаем на одни и те же дни рождения.

Казалось, Ника удивлена таким простым объяснением.

– А что ты ещё про него знаешь?

– Да ничего. – Я пожала плечами. – Не так уж часто мы видимся.

– Он в прошлом году провалил экзамены в «Щуку», – сообщила Ника спустя пять минут.

– Да?

– Ты не знала?

– Нет.

– Родители отмазали его от армии. Заплатили большие деньги.

– Кому ж в армию охота...

– В сущности, не такой уж и красавец, – задумчиво рассуждала Ника. – Высокий, худой. Плечи узкие, грудь... Руки-ноги, как палки. Вешалка, а не парень. Но до чего обаятельный! Глаза, как у оленёнка Бэмби. Ты видела его в «Питере Пене»?

– Нет. Кого он там играл?

– Так Питера Пена!

– Питера Пена, значит. А все-таки Арсений Любачевский уже взрослый юноша, – заметила я.

– Он прекрасно играл. Ну, как же так: ты с ним знакома и не видела! А другие спектакли?

Я покачала головой.

– А как танцует! Как бог, – сказала Ника. – Если бы я так танцевала, я бы сделала сумасшедшую карьеру... Как танцует! Даже не знаю, с кем сравнить.

– Ты видела?

– Да. – Ника улыбнулась. – У них была постановка, что-то современное, не помню. Что-то авангардное. И он там танцевал. Просто удивительно танцевал... Не представляю, как он мог «Щуку» провалить, – повернулась она ко мне. – Стоит ему только станцевать – и члены комиссии кинутся к нему на шею. Животное что-то он вызывает, когда танцует. И вообще... Да, вот именно: животное. Ты разве не чувствуешь?

– Я в Яне это слышу очень хорошо. А Арсений Любачевский для меня маленький. Дети для меня, понимаешь, не объект.

– Он не маленький, – неожиданно сухо сказала Ника. – И потом, почему дети? Ему девятнадцать. У нашей сотрудницы сыну тоже девятнадцать, и у него уже жена и ребёнок.

– Ну, знаешь, тем местом крутить, которым твой знакомый сделал ребёнка, можно и в четырнадцать. Думаю, Арсений Любачевский в силу своего обаяния и фамилии отказов такого рода просто не знает.

– Почему ты так о нём говоришь? – Ника смотрела на меня сухими глазами.

– Ни почему. Ты говоришь ерунду – девятнадцать, жена и ребёнок. Будто способность воспроизводиться – это показатель зрелости. Я не про Любачевского, я вообще.

– Мне кажется, если он ложится с кем-то в постель, то это не просто так. Это хотя бы увлечение, – сказала Ника.

– А почему не вечная любовь? Ты забыла, как это бывает у подростков? Проще простого – вот как.

Ника смотрела на меня, и глаза у неё загорались злым блеском.

– Я так не думаю, – сказала она.

– Ну ладно. Что ты от меня-то хочешь?

– Чтобы ты перестала разговаривать со мной в таком тоне.

– Я балдею от твоей последовательности. Начала с Арсения Любачевского, а пришла бог знает к чему.

– Вот видишь.

– Ах, Ника-Ника! Ты уверена, что тебе нужен взрослый мужчина с толстым кошельком? А может, тебе нужен мальчик? А? Признайся!

– Что ты несёшь? – Ника вспыхнула резко, вдруг, сразу всем лицом и поверх тарелки с блином буравила меня колючими глазами. – Ты что говоришь такое?

– Ничего. – Я вдруг очнулась. – Ничего. Я пошутила. Прости.

– И ещё говоришь, что не смеёшься надо мной! Это ты потому, что я тебе сказала, когда у тебя дома была?

– А что ты мне сказала? – машинально спросила я. Но натолкнулась на отчаянный взгляд и вспомнила, как она вспыхнула и заплакала у меня дома. «Я хочу отношений, которых у меня никогда не было», – вот что тогда сказала Ника. Значит, она считает это откровением? Ну и ну.

– Нет, конечно же, нет... Ника, я не знаю, почему я так заговорила. Это не к тебе относилось, честное слово. Это что-то моё личное... Это из-за того, что... это из-за Дениса.

– Ты злая стала!

– Это из-за Дениса, – повторила я.

И всё-таки я попала в точку. Упоминание о Денисе напомнило Нике о моём несчастье, убедило в моей непредумышленности. Ника поверила мгновенно – так же, как только что пришла в ярость.

– Уж ты, пожалуйста, контролируй себя, – сказала она через минуту.

– Не обижайся. Когда вижу Дениса, у меня крышу сносит. Несколько дней после этого со всеми цапаюсь. Но я совсем не имею в виду того, что говорю. Я так не думаю. Просто соскакивает с языка...

– Я понимаю, – примирительно ответила Ника. – Мне знакомо это состояние.

– Выкинь мои слова из головы. Не придавай значения.

– Да ладно. Считай, что уже забыла. – Ника просветлела лицом и даже как будто расчувствовалась.

– Давай закажем по мороженому? – предложила я. – Помнишь, мы в университете бегали в буфет есть мороженое в железных креманках?

Мы ели мороженое и наводили хрупкий мостик дружбы. Я чувствовала, что Нике хочется говорить об Арсении, но после ссоры она боится заговаривать о нём. Я делала вид, что раскаиваюсь в бестактности и стараюсь загладить недоразумение.

Потом мы вышли на остановку. Автобус Ники пришёл первым. Она зашла в салон и помахала мне рукой. Я помахала в ответ, стараясь улыбаться как можно душевнее. Я улыбалась до тех пор, пока автобус не скрылся, будто Ника с такого расстояния могла разглядеть улыбку.

С того дня, когда Дроздовы устраивали вечеринку в «Лимпопо», прошло почти две недели, а Арсений так и не объявился. Первые дни я пыталась дозвониться до него, потом махнула рукой: не хочет – и не надо, так даже лучше.

В один из этих дней меня отправили работать в архив вместо заболевшей сотрудницы. Я уложились до обеда, а после решила сбежать и встретиться с Иришей Усовой. Я позвонила Ире и узнала, что часов около трёх она выйдет с мальчиком на прогулку. («Ты же знаешь, на улице нам проще будет разговаривать», – сказала она). Оставалось решить, что купить. Мне хотелось купить каких-нибудь вкусностей, – Ирка была сладкоежка, – но я знала, что она ничего не возьмёт; по какому-то кодексу каких-то самой для себя выдуманных правил она не принимала ничего, что можно было есть. Ирка говорила и притом надменно: я не нуждаюсь.

Поначалу я удивлялась и отвечала: ну и дура, но это ничего не меняло. Первая красавица и умница нашего курса Ирина Усова уж если что вбивала себе в голову, была верна этому принципу до конца. Она родила перед госэкзаменами, умудрилась окончить университет, но на работу устроиться уже не успела, а потом выяснилось, что она вообще не сможет работать... На днях её сыну Саше исполнилось семь лет.

Я купила Ире блок её любимых сигарет, а мальчику выбрала резинового кенгурёнка. Он был яркий и достаточно лёгкий, чтобы Саша мог его удерживать.

Иру я увидела издалека. В летнем платье и сандалиях, она медленно катила коляску по тротуару. Я догнала её и взяла за локоть. Ира обернулась, из её синюющих огромных глаз, из под блестящих загнутых ресниц, на меня глянули стойкость и упрямство.

– Привет. – Она улыбнулась. – Быстро ты.

– Я старалась.

– Санька, привет! – Обойдя коляску, я протянула мальчику резинового кенгурёнка. Он поднял на меня пустые глаза и замычал.

– Нравится? Это подарок. Тебе. – Я пристроила кенгурёнка между его руками. Мальчик замычал громче, зашевелился. Ира обошла коляску с другой стороны. Сказала:

– Сашенька, возьми, не бойся. Тётя Маша принесла это тебе.

От её голоса мальчик успокоился и уставился на игрушку. Его руки беспрестанно шевелились, производя нелепые, разбалансированные движения, он что-то бубнил.

– Вырос он. И волосы стали как будто темнее. И на отца стал ещё больше похож. Ну а ты как?

Ира пожала плечами.

– Без изменений.

– Что говорят врачи?

– А что они могут сказать?

Подувший ветерок вскинул Ирины волосы, она слабо улыбнулась и отвела их рукой. Я достала из сумки сигареты.

– Спасибо. – Ирка явно обрадовалась. – У меня как раз закончились.

Тут же расковыряла обёртку, достала пачку, раскрыла, вытянула одну. Нашарила в кармашке коляски зажигалку и затаилась.

– Живу на пособие. Сплю с одним... Он мне деньги даёт, – сообщила между затяжками. – Ну и родители, конечно, мы бы без них пропали... Да ладно, что об этом. У тебя как?

– Отлично. Работы только по горло.

– Я и смотрю, круги под глазами. Так утомительно контролировать имущество?

– А ты как думала.

– Я бы ни за что из университета не ушла, – заметила Ира. – В чиновники!

Она сделала брезгливую гримасу.

– Кто-то пишет стихи. А кто-то тачает сапоги. За два года я научилась довольно неплохо тачать сапоги. Даже лучше многих.

– А как же твоя Толстая тётя?² – тихо спросила Ирка. – Ты считаешь, Толстой тёте всё равно? Чему ты улыбаешься?

– Тому, что все вокруг хотят мне доказать, что я живу неправильной жизнью.

– А ты?

– А я живу, как живу. Я безвольна и неспособна к решительным действиям. У меня нет энергии бороться и нет цели, ради которой... Я, Ириша, обессмыслилась. Но это временно... я надеюсь.

² Один из образов в повести «Зуи» Джерома Д. Сэлинджера, входящей в цикл о Глассах, в контексте которой Толстая тётя выступает синонимом Бога.

– Да?

– Честное слово. Вот честное пионерское!

Ирка засмеялась.

– А мой женился. – Она усмехнулась между затяжками. – Он, кстати, нам помогает. Немного. Но помогает. Скоро у него и там ребёночек будет. Трусит страшно.

– Мой тоже женился и завел ребёнка. Девочку Юлю.

Мы одновременно рассмеялись. Ирка знала о моём разводе, знала в том же ключе, что и все остальные, хотя, я думаю, догадывалась о моих особых муках. Но она ни разу не заговорила об этом, и за это я была ей благодарна.

– Ну что там, во внешнем мире?

Я рассказала о знакомых. О Нике я говорить не стала.

Ира слушала жадно. Она пришла в этот мир полководцем, генератором и проводником идей, уже на втором курсе её взяли в штат ведущей областной газеты. Три года Усова вдохновенно совмещала учёбу с работой, успевала тащить кое-какую общественную нагрузку, играть в любительском театре... Никто не ожидал, что она откажется сразу от всего, навсегда, без надежды – ради сына; бывает же такое на свете... Её мало кто навещал после того, как выяснилось, какая болезнь у Саши, среди знакомых бытовало мнение, что у Усовой после несчастья съехала крыша, а ведь с тех пор прошло уже семь лет. За семь лет даже университетские подруги забыли старосту группы, умницу и заводилу Иришку Усову...

Когда я замолчала, Ирка сказала:

– Я могла бы всех за пояс заткнуть.

– Не сомневаюсь.

– Всех, до единого, веришь?

– Верю.

– Читаю газеты, это кошмар какой-то! Когда я работала, – и там, где я работала, – за такой стиль, за фразы такие башку бы оторвали! Вот, например: *«На встрече присутствовало около десяти человек»*. Около десяти человек, – и это репортаж с места события! Нет, ты подумай, если присутствовавших было всего-то десять и ты пишешь, что видел это своими глазами, – так укажи точное количество, а не пиши «около»! Или вот, недавно прочитала, проводилась акция против наркозависимости. Заголовок репортажа с мероприятия – *«Наркотики: удовольствие или смерть?»*. Что за идиотская постановка вопроса? Джордано Бруно – учёный или полено?

Ира посмотрела на меня негодующим взглядом.

– Я с тобой абсолютно согласна. И уверена, что ты стала бы не только самым грамотным, но и самым серьёзным журналистом в этом городе.

– А я была! – с вызовом сказала Ирка.

– Так, может, и будешь? – осторожно спросила я.

– Ты опять? – Ирка резко швырнула сигарету. – Даже не заикайся. Не смей!

Мальчик тревожно замычал. Ирка дёрнулась, обежала коляску, опустилась на корточки и прижала лицо к Сашиным коленкам.

– Маленький мой, тише-тише! Не волнуйся, мама пошутила, мама не расстраивается. Мама с тобой, малыш... О, смотри-ка, звезда наша катится, – вдруг сказала она совсем другим тоном. – Не идёт, а пишет, королева эфира.

Я обернулась. Ника Голубева шла по тротуару и растерянно улыбалась.

– Она в газете работает, а не на телевидении...

– Пустоцвет, – отрезала Ирка.

Ника подошла и встала рядом с коляской.

– Привет.

– Здравсте, Вероника Голубева, – встретила её Ирка. – Ты слышала, что я сказала?

– Что?

– Что ты пустоцвет. А как ты думаешь, почему?

Ника моргала глазами, но я заметила, как у неё дрогнули ноздри. Если бы меня не было, Ника вообще не стала бы здороваться с Усовой и, наверно, даже перешла бы на другую сторону улицы.

– Вот скажи, если бы можно было быть знаменитой и при этом ничего не делать, ведь ты бы не стала работать? – продолжала Ирка. – Скажи честно: ведь не стала бы?

Ника переводила взгляд с меня на Иру и обратно. Она ничего не понимала, кроме того, что Усова хочет её обидеть.

– Ну-ну, – торопила Ира. – Скажи, чем бы ты стала заниматься, если бы тебе была обеспечена популярность? Ходила бы по ночным клубам? Сидела в косметических салонах? Ездила на моря? Ну чем?

– Ир, ну чего ты? – Ника наконец пришла в себя.

– Нет, ты скажи, – не отставала Ирка. – Скажи! Ведь я угадала?

– Заниматься благотворительностью, – с раздражением сказала Ника. – Устроит тебя такой ответ?

– Пфф, – фыркнула Ирка. – Ты как страничка из модного журнала, где подаются совершенно пустые фразы, зато красивым шрифтом на глянцевого бумаге с яркими картинками.

Ника быстро глянула на меня. По её глазам я видела, что она вспомнила, что говорили про Иру, и теперь не знает, как себя вести. Усова вытащила новую сигарету и, глядя на Нику, подкурила.

– Я слишком тебя жалею, а иначе сказала бы, что я о тебе думаю. – Ника кивнула мне и быстро, не оглядываясь, зашагала в ту же сторону, откуда пришла. Я подумала, что она, должно быть, боится, что Ирка бросится её догонять, а может, от неожиданности забыла, куда шла.

– Стерва никчемная, – ругнулась Ира, глядя в Никину спину. – Жалеет она меня!

– Ну и зачем ты на неё наскочила? Что она тебе такого сделала? Она разве виновата, что ей больше везет? У неё, скажу тебе, проблем тоже хватает...

– С первой нашей встречи в универе терпеть её не могу, – перебила Ирка. – Со знакомства в театре нашем студенческом. Она уже там была выскочкой и пустозвоном, и играть, между прочим, совсем у неё не получалось, но разве ж она могла с этим смириться!

– У тебя взрывной характер, Ириш. И между прочим, это Ника дала мне телефон врача, на которого ты теперь молишься.

– За телефон спасибо. – Ирка отвесила шутовской поклон. – Но дала она тебе – мне бы она отказала, не посмотрела бы, что Сашке... Да ты посмотри, что она наваяла, из последних её нетленок!

Она достала из кармашка коляски сложенную газету, встрясла из неё лист и протянула мне.

– Посмотри, посмотри! Гвоздевое интервью номера!

Я развернула. Арсений смотрел чуть в сторону от камеры, слабая тень падала на лицо, подчёркивала скулы и разрез глаз. «Арсений Любачевский: ненавижу, когда врут».

– А заголовок? – продолжала Ира. – Неужели нельзя было придумать что-нибудь не банальное? И что он отвечает! Да за такое в суд подавать надо, она ж его идиотом выставила!

– Погоди.

Я пробежала глазами. Во вступлении Ника вылила два абзаца патоки, а после расспрашивала Арсения, что он любит есть, какие сны ему снятся, какие девушки нравятся, что он планирует делать в будущем, как проводит свободное время, какую машину хочет иметь, куда поехать отдыхать и т. д. Ответы Арсения были такими же, как и вопросы: обожаю мамину еду, все девушки великолепны, хочу сделать успешную актерскую карьеру, люблю

встречаться с друзьями, лучшее авто такое-то и прочее, – и всё это размазано на целую страницу, пересыпано прилагательными в превосходной степени и знаками восклицания. «Какие качества в людях вы не любите?» – спрашивала Ника под конец. «Ненавижу, когда мне врут, – отвечал Арсений. – Если узнаю, что меня обманул человек, которому я верил, могу прекратить отношения навсегда».

Газета была за прошлую неделю.

Я подумала, что, возможно, Ника забеспокоилась, когда увидела меня, а не Иру...

– Да. Ты права.

– Неужели нельзя было спросить о чем-нибудь более значимом? – кипела Ирка. – Ведь это сын заслуженного деятеля искусств! Его отец – руководитель экспериментального театра, такой великолепный актёрский коллектив собрал, создал замечательный репертуар. Его вообще новатором считают. Неужели сына об этом спросить нельзя было? Отец – режиссёр, мать и сестра – актрисы, мальчик-звезда вырос за кулисами... Задала бы какой-нибудь проблемный вопрос про семью! Про самоощущение, в конце концов!

– Да.

– Ты только посмотри на его ответы! Это что, он так говорит – «великолепный», «превосходный», «обожаю»? Это же не Любачевского, это Голубевой дурацкое сюсюканье и слюни! Фирменная пустота! Тьфу!

– Да.

– Фотография хорошая, но это не её заслуга. Так эта стерва даже имени фотографа не указала, – уже спокойнее заметила Ира.

– В таких случаях обычно пишут: «Фото из архива театра». Эту фотку каждый спектакль продают в фойе «Пилигрима». В антракте.

– Эта бездарность даже свежую съёмку не могла организовать?!

– Ну, положим, тут не только Ника... Она ж не одна в газете работает, там целый коллектив, редактор, в конце концов. Но, видишь, упустили. Я думаю, на фамилию польстились... Наследный принц не любит прессу, это всем известно...

– Не оправдывай её! – гневно сказала Ира.

Она хотела продолжить, но Саша в коляске загугукал, Ириша глянула на часы и охнула. Ника и её деятельность мгновенно исчезли из её мира. В этом было главное отличие Иры от Ники: она всегда была здесь и сейчас, в любви и ненависти, в радости и горе. Она не умела планировать и рассчитывать, наступать на горло ради выгоды и потому падала в страдание всем существом. Максималистка, идеалистка Ириша Усова. Да, в этом было её главное отличие от Ники и вообще от всех моих знакомых, и за это я её любила.

– К нам сейчас массажист придёт! Машуня, пока, позвоню, забегай, спасибо тебе!

Я едва успела сунуть в карман коляски газету. Ира ловко развернула Сашу и почти бегом кинулась к пешеходному переходу. Я долго смотрела ей вслед и радовалась тому, что Ириша не подурнела. С её внешностью ещё много лет будут находиться мужчины, желающие помогать растить сына-инвалида. Вот только бы Ирка от такой жизни и впрямь не свихнулась.

Глава 5

Близился конец рабочего дня. Я шла по улице и думала про Арсения. Бедняга. Думал использовать Нику, а в результате выставил себя дураком. От семьи ему за это, наверно, здорово влетело. И всё же такая реакция несравнимо лучше, чем любая другая, тем более что никогда не знаешь, как он себя поведёт в том или ином случае. И, что плохо, Арсений сам этого до конца не знает.

Я вспомнила, каким был Арсений в нашу первую встречу. Меня как раз перевели в отдельную палату в конце коридора, в закутке. Там было тихо: угловая палата; комната за стенкой пустовала. От остального больничного пространства эти два помещения отделял небольшой коридорчик.

Целыми днями я лежала на кровати, выходя лишь в столовую и ненадолго – в коридор. Я нашла отличное место в углу за пальмой и, поставив там стул, иногда сидела. Растение, густо обсаженное понизу широколистными фикусами, скрывало меня от взглядов. Пациенты бродили по коридору – опустившиеся, забывшие покой и радость души. В основном это были алкоголики и приходящие в себя наркоманы, но попадались и измученные трудовыми, и компьютерными, и людьми, одуревшие от бессонницы и головных болей. Таких, как я, было трое: женщина и двое мужчин. Эти в коридор выходили редко, смотрели угрюмо и затравленно, так что я невольно задавалась вопросом: неужели и у меня такое же выражение лица?

Однажды утром (день начался уныло, мелким холодным дождём) я услышала в соседней палате движение. Тот, кого поместили по соседству, целыми днями ходил из угла в угол. По тому, как он ходил, я догадалась, что это мужчина. Он что-то говорил, я уловила ритм и решила, что он читает стихи. Но он ни разу не вышел в коридор в одно время со мной.

Прошло ещё несколько дней. Кровать моего соседа была приставлена к той же стене, что и моя, нас разделяла тонкая перегородка, и по ночам я слышала, как он ворочается. Однажды я проснулась от шума. Звук был глухой, как будто упало что-то большое и тяжёлое. Я насторожилась. Было тихо. Я уже стала снова засыпать, как вдруг мне пришло в голову, что, возможно, это упал тот человек за стенкой. Может быть, ему стало плохо, подумала я. Перед моими глазами нарисовалась картинка: вот он двинулся к двери, чтобы позвать на помощь, и потерял сознание.

Я включила свет, накинула халат и вышла в коридор. В конце коридора горел ночник. Медсестры за столом не было. Делать нечего, я открыла дверь и зашла в палату соседа. Окно было не зашторено, на полу в свете уличного фонаря лежал человек. Я включила свет, налила в кружку воды из крана и плеснула ему в лицо:

– Эй... очнитесь...

Мужчина вздрогнул всем телом. Вскинулся, сел, затряс головой, и я увидела, что это парень... почти мальчик.

– Что такое?! Вы кто?

Он выглядел не больным, а скорее разбуженным. Его нельзя было принять за человека, приходящего в себя после обморока. Тут до меня стало доходить, что, наверное, ему, как и мне, прописали снотворное... Он заснул, потом стал переворачиваться, упал, но не проснулся. От этой мысли я неожиданно для себя засмеялась. Парень поднялся, сел на кровать и хмуро разглядывал меня, а я давилась смехом.

– Вы кто? Что вы здесь делаете?

– Я лежу в соседней палате, за стенкой. – Я показала рукой на стену. – Вы упали, я проснулась от шума. Думала, вдруг вам плохо. Медсестры нет, я зашла, и вот...

Парень смотрел, и выражение лица у него не менялось.

– А я Арсений Любачевский, – угрюмо сказал он.

– И что? – Мне всё ещё было смешно.

– Сын Ярослава Любачевского... И Натальи Никитиной.

Я не понимала, к чему он это говорит.

– А кто это?

На лице парня медленно проступило удивление. Он помолчал, а потом сказал:

– Уходите.

И я ушла, мне было смешно и неловко. Я ещё смеялась, когда свернулась под одеялом, вспоминала, какой взъерошенный вид был у этого Арсения, когда я плеснула в него водой. Потом мне вспомнились его худое тело и синие плавки. Я прошла внутренним взглядом по его телу, и мне высветилось: повязка на руке. Правая рука на запястье была перебинтована. В свете специфики отделения, в котором мы оба находились...

Я вспомнила, как мне стало беспокойно от этого открытия. Я не смогла заснуть, и на утреннем обходе попросила заведующего сделать на двери своей палаты замок, чтобы я могла закрываться изнутри, объяснив, что с тех пор, как за стенкой появился сосед, у меня бессонница.

– Не положено, – сказал заведующий.

Но слесаря вызвал. Вечером этого дня я закрылась на толстый алюминиевый крючок.

Когда я подходила к остановке, затрещал телефон, на экране высветился незнакомый номер. Я нажала кнопку, ожидая, что это кто-то из Управления, кому-то поручили узнать, как я работаю в архиве. Но голос в трубке был незнакомым.

– Маша?

– Да?

– Это Николай. Слушай, Маш, ты где? Я пришёл к тебе на работу, специально под конец, а мне говорят, ты сегодня в другом месте.

– Какой Николай?

– Николай Угольников, муж Вероники Голубевой.

– Что случилось? Что-то с Никой?

– Да. То есть нет, с Никой всё в порядке. Просто мне надо увидеть тебя. Надо поговорить. Ты можешь прямо сейчас?

До кафе, которое назвал Николай, было пять остановок на автобусе. Я не могла представить, зачем могла понадобиться Никиному мужу. За пять или шесть лет её замужества мы с ним почти не общались, я даже не знала, что у него есть мой номер.

Я зашла в кафе и сразу увидела Николая. Он занял столик в глубине зала, у окна, и свет из окна падал на его лицо. Лицо было грузное, как, впрочем, и вся фигура, оплывшее, нос сплюснут, как у бывшего боксёра, внешние уголки глаз опущены, отчего лицо выглядело настороженным, словно его хозяин ждал нападения; через левую щеку шла узкая впадина. Лицо бандита, а не телеведущего. Но он был пострижен, побрит и абсолютно трезв.

– Что случилось?

– Ника завела любовника. Ты знаешь об этом?

Он сидел очень прямо и открыто смотрел мне в лицо. Я села напротив, и его взгляд плавно опустился за моим лицом. Стараясь не смотреть на него, я попыталась вспомнить, говорила ли мне Ника, когда состоится вечеринка в «Мачо»; не вспомнила. Может, вечеринка в «Мачо» уже прошла и увенчалась успехом – тем успехом, на который рассчитывала Ника; может, она встречается с москвичом (если он москвич), с которым познакомилась на автомобильной выставке; может, ещё кто подвернулся: стучите – и отворят вам... Удивительно не это, а то, что её муж решил обсудить эту тему со мной.

– Так ты об этом знаешь?

– Нет.

– Нет? – Николай смотрел мне в глаза.

– Нет. – Я пожала плечами.

– Вот так. Прожили пять лет, а теперь она решила, что я для неё недостаточно хорош.

Николай ждал ответной реплики, а я не знала, что сказать. Его изуродованное, пытливо вглядывающееся лицо мешало мне сосредоточиться.

– Видите ли, она выходила замуж за симпатичного ведущего, а получила уроды и алкоголика.

– Но ведь это правда.

– Что? – Николай быстро взглянул на меня из-под опущенных век.

– Я про то, что ты пьёшь, – поторопилась пояснить я.

– Я, между прочим, последний раз выпивал две недели назад. С тех пор – ни грамма.

– Не такой уж большой срок.

– Небольшой. Но я не пью совсем... Совсем.

Я не знала, что сказать, и ответила:

– Это очень хорошо.

– А почему я пить начал, ты знаешь?

Я пожала плечами.

– По-моему, для того, чтобы пить, причина не нужна.

– Возможно. – Николай кивнул. – Но у меня было аж две причины. И, если бы я не начал пить, то, извини за каламбур, как пить дать оказался бы в психушке. Такое было напряжение.

Николай говорил серьёзно, но я не знала, можно ему верить или нет. Я не смотрела передачи, которые он вёл, потому что в то время, когда Ника встречалась с Николаем, у меня было полно своих дел, потом я расставалась с Денисом и лечила нервы по соседству с неудавшимся самоубийцей Арсением Любачевским. Я помнила, что раньше Николай действительно был симпатичным, но какой он человек, понятия не имела.

– Я знаю, что ты был популярным телеведущим. Знаю, что Ника очень хотела сделать авторскую передачу и что-то ещё. Но не получилось...

Николай кивнул.

– Я перестал быть тем положительным и обаятельным лицом, которое нравится зрителям. Уволился. С журналистикой я с тех пор завязал, но не в этом дело. Дело в том, что как раз накануне аварии меня пригласили работать в Москву. Телеведущим на «СТС». Там был конкурс, я отправил на него запись своих эфиров, меня пригласили. Ника хлопала в ладоши, а тут – бац, мы всей съёмочной группой летим в кювет. Кто руку сломал, кто ногу, водитель три ребра сразу... А я – лицо, я рядом с ним сидел, так прямо в лобовое... И – видишь, какая красота? Вся морда была в шрамах... Ну и всё, накрылась премия в квартал...

Пока он говорил, я окончательно рассмотрела его лицо. В то, что «вся морда была в шрамах», верилось легко. С одного беглого взгляда было понятно, что лицо Николая побывало в серьёзной передрыге.

Николай меж тем продолжал:

– Ну, и никому я с таким фейсом стал не нужен. Ни Москве, ни нашим. А я после всего этого обесточился. Ничего не мог делать... Нигде работать... А Ника... Ника, вместо того чтобы поддержать, стала относиться ко мне как к бракованной вещи... Это меня убило совершенно... Ты мне веришь?

Я снова пожала плечами.

– Ты же знал, какая она, когда женился... Это был твой выбор. Мог бы ведь и не жениться, никакие особые обстоятельства на тебя не давили.

Николай засмеялся. Потом вдруг оборвал смех, наклонился ко мне:

– Ты не знаешь, как на самом деле всё было... А на самом деле было так: не я Нику, а она меня обхаживала. Пусть она моложе, но у меня девок было сколько хочешь, а вот у

Ники... И знаешь, чем она меня дожала? Тем, что обещала родить мне детей. Сразу же после того, как переедем в Москву, говорила она, то есть примерно через год-полтора, родим ребеночка, а ещё через год – второго... Ты будешь работать, а я – растить детей и вести дом, буду встречать тебя вкусным ужином... Вот. На это я повёлся. На её чёткое планирование. Я к тому времени досыта наелся этой холостяцкой богемы, хотел завести семью. И детей очень хотел... Ника считала, что надо встать на ноги, ей потребуется время, чтобы помочь мне достичь успеха, которого, как она говорила, я заслуживаю... А потом всё кончилось. Ника сначала сказала: будем бороться, нужно лечение, пластические операции... А когда выяснилось, сколько нужно времени и денег, что всё это не на раз-два... она меня бросила!

– Бросила?..

– Перестала замечать. Как будто я не существую. Будто меня нет. Стала жить своей жизнью. Своей, отдельной жизнью. И когда я заикнулся про ребёнка, посмотрела на меня так, словно я неодушевлённый предмет... Будто тряпка половая вдруг заговорила! И сколько я потом ни пытался с ней разговаривать, результат всегда был один и тот же...

Странное дело, я ему верила. Мы помолчали. К нам подошла девушка в наколке и фартуке. Поставила на стол чайник и две чашки на блюдечках. Посмотрела с опасливым любопытством на Николая. Спросила, не нужно ли чего-нибудь. Николай буркнул: «Нет».

– Чего я добился за эти годы? Ничего. А Ника стала известной личностью. У неё имя, связи, её ждут во многих местах... Она меня использовала. Выпотрошила и выбросила.

У него зазвонил телефон. Николай взял трубку и бросил на меня подозрительный взгляд.

– Я сижу с твоей подругой Машей, – ровным голосом сказал он. – Рассказываю ей о том, что ты со мной сделала, и о том, что ты втюрилась. В кафе... – Он назвал адрес и тут же отодвинул телефон от уха. Ника кричала так громко, что слышно было даже мне. Николай, не дослушав, нажал отбой.

– А ты уверен, что...?

– Что?

– Ну, что у Ники действительно кто-то есть?

– Я не знаю, спит она с ним или нет. Но то, что она сама не своя, и это из-за мужика – это точно. Я, как заметил, думал, пройдёт, а теперь вижу – чем дальше, тем хуже. Она сама не своя...

– Так ты хочешь, чтобы я поговорила с Никой?

– Вряд ли у тебя что-то получится. Я-то думал, ты в курсе и знаешь, кто он – её герой... Потому что это наверняка герой... Понимаешь, ей нужна известность. Она вцепляется в того, кто имеет перспективу прославиться. Ей важно быть женщиной знаменитости. Примазаться к кому-нибудь – вот её тяга.

– Я так не думаю.

– Нет. – Николай покачал головой. – Ты не знаешь её так, как я. Она за меня крепко держалась, когда я был на коне. А теперь она не хочет со мной жить, не хочет от меня рожать. Ника в панике, потому что не знает, что делать дальше. И не знает, как от меня избавиться.

Я хотела спросить, почему он сам не подаст на развод, но тут дверь кафе распахнулась и влетела Ника. Увидев её лицо, я подумала, что, пожалуй, Николай прав, – я Нику не знаю. От неё шла такая осязаемая волна ярости, что, если бы Иришка Усова встретила её сейчас, Ника закатала бы её в асфальт вместе с сыном и коляской.

Отыскав нас глазами, Ника постаралась взять себя в руки. Не очень-то у неё это получилось.

– Ну, о чём вы тут? – сказала Ника, подойдя к столику. Стремительно опустилась на стул. – Меня обсуждаете?

– Я рассказываю Маше о своих творческих планах. – Николай смотрел на Нику исподлобья. – На редакционной машине прилетела? Или на метле?

Ника даже глазом не моргнула.

– О чём? О том, что ты решил делать пластику?

– Да, об этом. Я не сказал тебе. – Николай повернулся ко мне. – Ника через какого-то своего московского знакомого договорилась устроить обследование моей рожи не где-нибудь, а в Институте физиологии. Говорит, медицина топаёт семимильными шагами и есть надежда сделать самую правильную пластику.

– Отличная новость.

– Ещё бы. Обследование, да потом пластика, да ещё попутно лечение от алкогольной зависимости займут бог знает сколько времени. Меня, естественно, в это время в городе не будет. И у Ники будут развязаны руки... Ника станет обхаживать новую звезду, так ведь, дорогая?

Я терпеть не могу скандалов, а тем более семейных. Я не хочу знать о людях того, чего они не хотят, чтобы о них знали. Меня тяготят эмоции вражды. Грубые энергии, тяжёлые и душные. И хуже всего – те их разновидности, которые исходят от близких людей: родственников, любовников, близких друзей. Такие энергии имеют не только вес и плотность, – они имеют запах. Запах опасности проплыл мимо моих ноздрей. Плотный, скользкий, железный. Всегда, когда я чувствую такую смесь, мне кажется, что все участники, включая меня, погружаются в опасный мир, где слова приобретают неосознаваемую людьми силу.

А это была ещё только разминка.

– Не стыдно тебе? – презрительно спросила Ника.

– Стыдно? Мне? Ну конечно, мне должно быть стыдно, как же иначе? Это я – пьяница и маргинал, а ты – святая. Добилась успеха, кормила меня, грешного, когда я валялся пьяный, а теперь из всех сил стараешься вытащить меня из болота, куда я по собственной глупости завалился. Мало того, это именно ты оплатила лечение от алкоголизма. А я, неблагодарное животное, упираюсь и треплю тебе нервы, – так ты вчера сказала? Маша, ты как думаешь, Ника – святая, а я – неблагодарное животное?

Николай вопросительно смотрел на меня. Он явно наслаждался присутствием третьего лица. Мысль, что Ника связана моим вниманием, вносила в его кураж дополнительный адреналин.

– А что ты, Ника, будешь делать в моё отсутствие? Надо было мне раньше это понять, что вовсе не меня ты хотела в мужья. Не меня, а Николая Уголькова, журналиста, телеведущего. У самой-то у тебя ничего нет, Ника, и ты это прекрасно понимаешь, но тебе же нестерпимо хочется быть причастной к чему-нибудь такому-этакому... Тебе хочется быть в центре внимания.

– Что за бред ты несёшь.

– Я не бегаяю за девочками, – я, мужик, которому это было бы простительно. А моя жена день и ночь названивает кому-то, ревет в подушку и пишет письма... Ты ведь пишешь ему письма, Ника, правда? Заваливает письмами его электронную почту. Раньше у нас была общая электронка, а теперь Ника сделала отдельную, с паролем! Но если кто подумает, что она влюбилась, тот ошибётся. Потому что Ника неспособна любить человека. Она любит популярность. Фанфары. Славу. Нике нужно, чтобы ею интересовалась толпа. Или чтобы на неё хотя бы падал отсвет чужой славы, но чтобы отсвет этот был ярким! Это про Нику. Её манит образ, ореол – и какой же, как вы думаете? Ореол известной в городе N журналистки, которая была в годы оны чьей-то женой или любовницей – на любовницу Ника согласится, если будет уверена, что этого *кого-то* ждёт слава! Я говорю это потому, что *слишком* хорошо знаю, как сильно Ника любит известность!

Я никогда не слышала, чтобы мужчина так эмоционально говорил. Мне вспомнился Арсений, его усмешливое утверждение, что артисты как женщины: кокетничают, желают нравиться, расцветают в драматических ситуациях; все артисты – нарциссы. В бывшем телевизионщике Николае, когда он говорил, действительно было что-то, если не женское, то театральное. Его гибкая речь не вязалась с грузным телом и изувеченным лицом. Казалось, передо мной два разных Николая: один, которого видят глаза, и второй, которого слышат уши.

– Мне пора.

Ника проводила меня глазами. Она сидела с заострившимися скулами, с крепко сжатыми губами. Я не понимала, почему она позволяет Николаю так себя вести, не обрывает его. Почему наконец просто не уйдёт?

Выходя из кафе, я ещё раз оглянулась. Ника сидела в той же позе, а Николай наклонился к ней и говорил. Лицо у него было торжествующее и страдающее одновременно. Он был похож на собаку, которую ударили, и вот теперь она бросается и кусает.

Глава 6

Автобус приехал в неудобное место, тесно заставленное убогими двухэтажными бараками из серого бруса. Когда водитель гаркнул: «Конечная», я вздрогнула, посмотрела в окно и поняла, что села не в тот автобус и что начался дождь. Под козырьком облезлой остановки сгрудились люди, кто с зонтами, кто в полиэтиленовых дождевиках, кто безо всякой защиты от дождя. За бараками, за деревьями и чахлыми кустами виднелся яркий торец огромного здания. Этот торец напоминал величественную волну океана, грозившую вот-вот смыть отживший своё пляжный мусор, а пляжным мусором были старые дома... Вот тебе и разговор с Николаем!

Зонт остался дома. Пришлось забраться в подошедшую маршрутку и ехать назад.

Дождь кончился так же неожиданно, как и начался, откуда-то выскочило яркое-яркое солнце. Маршрутка бежала резво, но на одном из перекрёстков вдруг встала, в окно было видно, что тут уже скопилось много автобусов, маршрутных такси и машин. Очевидно, где-то впереди случилась авария. Транспорт по бокам маршрутки двигался черепашим темпом, наша маршрутка, и те, что шли за ней, вовсе стояли. Я закрыла по привычке глаза, но от однообразного сидения заныла спина, глаза пришлось открыть, чтобы хотя бы отвлечься. Я стала смотреть в окно и скоро поняла, что лучше бы мне вслепую слушать, как спина ноет.

По тротуару шёл Денис. Перед собой он катил коляску, из коляски высывалась головка в кружевной панамке, маленькие ручки и две пухлые ножки в ярких сандалиях. Рядом с Денисом шла девушка в короткой юбке и лёгкой кофточке, на её волосах блестели капли. Мне был виден её затылок, она смотрела на Дениса. Я много раз представляла, как Денис с Ларисой идут вот так – счастливая пара с ребёнком, – но даже подумать не могла, что увидеть наяву будет так больно: я первый раз видела их вместе. Боль хлынула оглушающая: затопила и маршрутку, и улицу, и город. На несколько минут я вообще перестала чувствовать что-либо, кроме боли. А потом вдруг полетела вперёд, и в мои уши продрался старческий голос:

– Девушка, держись! – И жилистая лапа цепко ухватила меня и вернула на сиденье. Всё вернулось так же беспричинно, как когда-то странно прервалось³... Мы развелись, он женился, когда Лариса была уже на седьмом месяце, значит, девочке сейчас месяцев девять...

Маршрутка набирала скорость.

Когда я поднималась на крыльцо своего дома, меня окликнула старшая по дому, Татьяна Ивановна.

– Машенька, к вам приходил молодой человек из театра. С ним ещё была женщина. – Татьяна Ивановна улыбалась.

Я остановилась.

– Откуда вы знаете, что из театра?

– Я его там видела. Очень обаятельный молодой человек. Очень. С такими большими, тёмными глазами.

– А женщина?

– Женщина... Высокая, выше парня. На ней были чёрные шляпа и галстук. Пиджак и брюки тоже чёрные. А рубашка белая. И белое каре.

– Белое каре?..

³ Неточная цитата из стихотворения Б. Пастернака «Объяснение»/«Жизнь вернулась так же беспричинно, Как когда-то странно прервалась».

– Светлые волосы, крашенные. А может, свои, но, по-моему, крашенные... Или парик. У неё глаза были подведены вот так. – Татьяна Ивановна показала от глаз к ушам.

– Я думаю, это тоже кто-то из театра. Они приехали на такси и так долго звонили в домофон. Потом молодой человек спросил, не видела ли я вас. Я сказала, что видела, как вы утром ушли на работу.

В прошлом году на общем собрании жильцов Татьяну Ивановну выбрали старшей по дому, и с тех пор она считала себя ответственной за всех, проживающих в нашей девятиэтажке. Я не раз ловила себя на мысли, что из неё вышел бы неплохой следователь. То, что она назвала Арсения «молодым человеком из театра», означало, что она считает его моим любовником... Потому что Татьяна Ивановна обладала профессиональной памятью на имена и фамилии и, конечно, не могла не знать, как его зовут.

– Спасибо, Татьяна Ивановна, – сказала я как можно более сердечным тоном. – Я хочу вас попросить... Вы не говорите никому, что ко мне приходил... и, если ещё придёт... этот молодой человек, хорошо? Сами понимаете...

Татьяна Ивановна закивала. Она не была болтлива и, что выгодно отличало её от многих кадровиков, да и вообще людей, не имела привычки сплетничать; её любопытство было всего лишь составляющей частью профессионализма.

Я открыла дверь с мыслью о том, что Арсений опять явился без звонка. Он часто так делал; странная прихоть во времена мобильной связи. Я хочу убедиться, что ты одна, говорил он, что ты не нежишься с каким-нибудь хлюстом. Я догадывалась, что он ревнует, одно время он даже просил, чтобы я отдала ему запасные ключи. В ключах я отказала, а за внезапные появления давно перестала ругать. Мотивы поступков Арсения зачастую настолько не соответствовали привычной логике, что я просто выбросила эти мысли из головы. Одно было ясно: с ним была не Марлен. Подумав, я решила не звонить ему. Умылась, налила себе чая и села у телевизора. Примерно через час раздался звонок в дверь, я открыла и увидела Арсения. За его спиной стояла женщина, как её и описывала старшая по дому, – высокая, в чёрном костюме, шляпе и галстуке, с глазами, подведёнными до висков, и в белом парике: гротеск. По привычке давать прозвища женщинам Арсения я тут же определила её про себя Телохранителем. Арсений имел слабость к необычным женщинам, и поначалу меня это сильно раздражало; потом я привыкла. Другое дело, что Арсений никогда не приводил своих пассий ко мне домой.

– Привет, – сказал Арсений небрежным тоном. – Ты не хочешь нас пускать?

– Нет, почему же, проходите...

– Здравствуйте, – сказала женщина и улыбнулась. У неё был красивый голос, низкий, чуть глуховатый, прекрасная улыбка. Она была значительно старше Арсения и даже меня.

– Познакомьтесь. – Арсений сделал движение рукой от спутницы ко мне. – Это Мария, моя хорошая знакомая.

Вот как: хорошая знакомая.

– ... а это Вера, куратор нашего нового проекта, – я имею в виду проекта театра «Пилигрим».

Вера снова улыбнулась. У неё были правильные черты лица, но само выражение холодноватое и чуть отстранённое, а чудной макияж привносил в образ что-то не то от сфинкса, не то от ритуальной маски. Она сняла обувь и спокойно ждала, что ей предложат сделать дальше.

– Проходите. – Я махнула рукой в сторону кухни.

Когда я принесла из комнаты стул, оба они, Арсений и Вера, сидели на табуретках по краям стола. Грелся чайник, из чашек свисали этикетки заварочных пакетиков. Нависая над столом, Арсений распаковывал большой торт. Мне осталось место по центру стола.

– Вы торт принесли...

– Сегодня жарко, – сказала Вера.

Я посмотрела на неё. Она безмятежно улыбалась, глядя мне в глаза с таким видом, будто знала про меня всё. Взгляд ещё больше подчёркивал необычность её внешности.

– Ты обещал мне позвонить.

– Разве? – Арсений поднял брови. – Когда? Я не помню.

– Три недели назад. Когда ты приезжал ко мне поздно ночью. А до этого мы вместе приехали на такси. Из «Лимпопо». Ты там отмечал что-то.

– Три недели назад... – задумчиво произнёс Арсений.

– Три недели назад мы праздновали подписание контракта, – сказала Вера. – Мы отмечали в театре, а потом пошли в ресторан.

– Ну конечно! Нас как раз тогда всех познакомили с Верой. Всех, – я имею в виду коллектив театра. И Вера нас всех очаровала. Весь коллектив, весь, включая уборщиц, всех, без исключения.

– Это серьёзно, – сказала я. – Вы даже не представляете, как мнение театральных уборщиц влияет на популярность актёров.

Вера снова улыбнулась. Она не выказывала ни скуки, ни заинтересованности. Либо она совершенно глупая, мелькнуло у меня, либо, наоборот, очень умная. Хотя, может, это объяснялось и чем-то другим. Своей невозмутимостью эта женщина мешала мне чувствовать себя уверенно.

– Вы произвели неизгладимое впечатление на нашу старшую по дому. Это женщина, с которой вы разговаривали, когда приезжали утром.

– Я забыл дома телефон, и вдруг так захотелось тебя увидеть! Я сказал об этом Вере. А она ответила мне, что раз есть человек, которого нестерпимо хочется видеть, то надо немедленно ехать к этому человеку. Потому что на свете не так много людей, которых хочется видеть нестерпимо. Кажется, так ты сказала?

– Так. – И Вера снова улыбнулась.

– Она удивительная, – сказал мне Арсений. – Она совершенно удивительная, ты видишь? Вера воспринимает жизнь безо всякой шелухи. Это самый жизнерадостный человек из всех, с кем я познакомился за последний год.

Я чувствовала неловкость от того, что Арсений говорит в третьем лице о женщине, которая годится ему в матери, а сама она сидит тут же. А Вера улыбнулась и сказала:

– Ты тоже.

– Не надо мне льстить. – Арсений поморщился.

– У нас есть торт, – сказала Вера. – Где у вас тарелки, Маша?

Я достала из шкафа тарелки, и Вера разложила угощение. Арсений налил чай.

– Очень вкусно, – похвалила я.

– Это Вера выбирала.

Мы пили чай и беседовали о театре.

В комнате зазвонил телефон. Я прошла и увидела, что звонит Денис.

– Да.

– Я хочу тебя видеть. Мы можем встретиться через час в парке?

– Нет. У меня гости.

– Кто?

– Никто. – Я нажала отбой и долго ждала, когда Денис перезвонит ещё раз. Он не перезвонил.

У меня вдруг закружилась голова, и я села на диван. Вошёл Арсений, он прикрыл за собой дверь.

– Что с тобой?

Он приблизил ко мне влажные глаза. Его глаза были похожи на ракушку – миндалевидные, такие глубокие и искренние. Девушки считали Арсения ветреным и притворщиком – правда, милым притворщиком, – а он всегда был честен, просто часто менялся.

Он обнял меня одной рукой, пальцами другой приподнял мою голову, всматриваясь мне в лицо.

– Сенечка, мне тяжело...

– Что-то не так?

– Я к тебе привязалась, Сень. Не могу сказать, что я тебя полюбила, наверно, если бы я так сказала, это была бы неправда. Но мне не наплевать на то, что с тобой происходит.

Я не открывала глаза, но чувствовала, что Арсений выпрямился и смотрит в окно.

– Ты знаешь, пожалуй, я тебя тоже не люблю, – задумчиво сказал он через минуту. – Единственная проблема в том, что я сплю со многими женщинами, но потом всё равно иду к тебе. Я точно понял, что ты тоскуешь по человеку, которого любила, а может, ты его ещё любишь. А он хочет с тобой быть?

У меня вдруг стали влажными руки. Я думала о том, что спрашивал Арсений, и меня переполняла горечь.

– Ты что? Ты плачешь?

– Не хочет. Но он не может уйти по-настоящему.

– Как так?

– Его всё время тянет ко мне. У нас... много общего... в прошлом.

– А там?

– А там женщина, которая его обожает, карьера и... и ребёнок.

– Так он бросил тебя из-за ребёнка? Но с ребёнком можно видаться, а жить с тобой!

– Нет, Сень. Мы расстались потому, что стали разными.

– Я ничего не понимаю, – сказал Арсений. – Ты можешь мне объяснить, в чём дело?

– Не могу. Скажи мне лучше, зачем ты разрешил Голубевой опубликовать интервью?

– Я был расстроен. – Арсений нахмурился. – Она позвонила, я говорю, давайте, только по телефону, а фотку возьмёте в театре. А потом меня срочно позвали, я что-то быстро ей наболтал, сам не помню чего. В результате там только одна моя фраза осталась. Во всём интервью.

– Видела я эту фразу. Хоть бы догадался прочитать перед публикацией.

– Не догадался. Слушай, хватит. Меня и так из-за этого дома чуть не колесовали. Отец, знаешь, как кричал!

– Могу представить.

– Не можешь... Вот назло тебе буду с ней зажигать.

– С Никой? Посмотрим, надолго ли тебя хватит... герой-любовник.

– Некогда уже смотреть. Послезавтра я с театром уезжаю на месяц на гастроли. Или на два месяца, не помню.

– Куда?

– По городам и весям. А в перспективе – за границу. Но заграничные гастроли ещё под вопросом. Вера будет этим заниматься.

– Почему ты мне раньше этого не сказал?

– Я и хотел сказать... тогда. Но ситуация не способствовала. А потом я обиделся.

– Ох, ну почему ты такой!..

Я встала с дивана и пошла на кухню. Арсений шёл за мной.

– Какой – такой? И вообще, почему ты говоришь со мной таким тоном? – сказал он мне в спину.

– Каким?

– Будто ты умираешь.

– А каким тоном я должна говорить?

– Мы тонем в словах, – сказал Арсений. – Мы запутались. И сами не понимаем, чего хотим. Я уеду, и тебе станет спокойнее.

Мы вернулись в кухню. Вера неторопливо пила чай. Она проследила глазами, как мы расселись за столом, и спросила:

– Арсений, ты ведь танцуешь в спектаклях, которые мы везём?

– В одном. – Арсений глотнул остывший чай и поморщился.

– Танцевальные движения подчёркивают обаяние жизни, которая в тебе заключена. Это больше, чем талант. Это дар.

– Спасибо на добром слове.

– Я серьёзно. – Вера улыбалась. – Я перевидала сотни молодых актёров. Большинство из них очень талантливы. Очень. Но дар пропускать через себя жизнь – мало у кого есть.

– Это талант – польстить, – сказал Арсений. – Знаете, я прочитал, что тонкая лесть – это умение ненавязчиво сказать человеку то, что он сам о себе думает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.